

10-го июня 1930 г.

П Р А Г А

год издания 3-ий

59

10-го червня 1930 р.

Р Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

1. *Олександр Півень*: Вже дев'ять років минуло.
  2. *Юзеф Питон*: * * Стихи.
  3. *Виктор Карпушкин*: * * Стихи.
  4. *С. Савицький*: На степу не дзвонять коси.
  5. *Ф. Полковников*: Христос Воскрес!
  6. *Вадим Курганский*: Их было двое...
  7. *В. П. Елисеев* (В. Петров): На провесне.
  8. *Константин Поляков*: * * Стихи.
9. Паневропа и панбольшевизм.
10. Инж. *В. Бейсуг*: Совхозы и колхозы.
11. *О. Батурын*: Праздник казачьего просвещения.
12. *Санжа Балыков*: Нечто о колониальной политике.
13. *Козак Бидолага*: Джигитовка на Кубани.
14. *Вл. Куртин*: Крым—Далмация.
15. *Еф. Якименко*: Необходимое раз'яснение.
16. Думы и мысли.
17. По страницам газет и журналов.
18. Казачья эмиграция.
19. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик.

Румыния. — Е. Е. — Получено. Привет.
Польша. — Ю. П. — Получено. Привет.
Польша. — В. Е. — Получено. Исполнено. Привет.
Под Прагой. — Н. Л. — Получено. Привет.
Болгария. — И. У. — Получено. Привет.
Югославия. — П. А. — Получено. Привет.
Польша. — А. К. — Получено. Воспользуемся.
Привет.
Харбин. — П. К. — Получено. Исполнено. Привет.
Париж. — Е. Я. — Ответ послан. Привет.
Югославия. — А. Г. — Получено. Привет.
Морава. — В. О. — Получено. Привет.
Париж. — Ф. Е. — Получено. Привет.

Канада. — Е. Б. — Получено. Привет.
Румыния. — А. Б. — Получено. Привет.
Франция. — С. М. — Получено. Привет.
Германия. — А. Т. — Получено. Спасибо.
Болгария. — Н. П. — Получено. Привет.
Югославия. — В. К. — Присылайте. Привет.
Всем, кто спрашивает о поисках земли. О результатах переговоров сообщим, как только они будут закончены. Акция эта носит характер общеказачи. Комиссия предполагается небольшой, не больше 3 человек. В случае удачи, первая партия могла бы выехать зимой, чтобы быть на месте к началу весеннего сезона.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В БОЛГАРИИ:

- Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.
А. Шапошников. Сливен.
С. Мукукенов. София, кв. Х.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

- Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.
F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Руски дом“.
А. П. Чорный — А. Čorny. Drvar, Vrbaska Ban.
А. А. Гейман. Zajечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопье.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В О Ф Р А Н Ц И И:

- С. М. Makeев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.
M-r Ivanoff. B. av. Pasteur 6. 13. S. L. S. A. à Decines (Isere).
С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.
Е. М. Якименко. M-eur Jakimenko, 44, rue Rouelle, Paris (15).
Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
Б. Х. Бембинов (район Нанта). M-eur Bembinoff, Verreries de „Bretagne“ à Verton.

В ПОЛЬШЕ:

- Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

- П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В БРАЗИЛИИ:

- С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 59

Прага, вторник 10-го июня 1930 г.

№ 59

Олександр Півень. (Югославія).

ВЖЕ ДЕВЬЯТЬ РОКІВ МИНУЛО.

Вже дев'ять років минуло, як я на чужині
Живу в самотині.
І де б я не був, я всяк день про тебе згадаю,
Нещасний мій Краю.
Уже ж я й старий: за душу давно-б уже треба
Думки слать до неба...
Не можу! Поки ще панують у нас на Кубані
Чужинці погані.
Тоді тільки зможу за себе спокійно молитися
І серцем змиритися,
Як дасть Бог нам поміч і силу Кубань зрятувати
І чужинців прогнати.

*****

Юзеф Питон. (Польща).

* * *

Средь облаков скользит луна.
Роняет бледный свет она
На старые, забытые могилы,
Которые когда то были милы
И матери и детям...
О, неужели же за этим
Мы в мир вошли, чтоб умереть?
Мне грустно на тебя смотреть
Кладбище старое, и ты порой,
Туманишь очи мне слезой...
Кресты подгнили и склонились.
Кто ставил их?
Чьи слезы здесь пролились,
Кто плакал здесь и кто утих?
Ответа нет. И как царица,
Царит тут властно тишина.
Блеснет меж облаков зарница
И, робкой нежности полна,
Ночь опускается над миром...
.....
Прочь идеалы, прочь кумиры,
Восторги прочь и сожаленья,
И ты искавший примиренья,
Пред Богом простирая длани,
Молись, взывай и падай ниц —
Ведь здесь переступают грани
Никем из нас не пройденных границ!

Виктор Карпушкин. (Брно).

* * *

На Тереке бурном родился
И вырос в Родимом Краю,
Кривавой борьбой причастился
За счастье и волю свою...
Мечтал, что казачью кровью
Не даром полита земля
И чистой сыновьей любовью
Хранима, как ратью, она;
Мечтал, что ни вороны хищны,
Не страшен ни лютый ей зверь
И вражески рати бессильны
Сломить ее стойкость теперь.
Мечтал... Но мечты не сбылись, —
Рассеялись словно дымок,
В незримую даль понеслися,
Пославши прощальный кивок...
Мечтать ли теперь, казачина?
Мечтать ли тебе — и о чем?
Не будь же, станичник, детина;
Мечтами свой Край не спасем...

*****

С. Савицкий. (Бразилія).

НА СТЕПУ НЕ ДЗВОНЯТЬ КОСИ.

На степу не дзвонять коси,
Не співають козаки.
Бур'янами сум голосить, —
Загніздилися павуки.
Де-ж подилося козацтво? —
Зник і слід степовиків:
Славне лицарство — бурлацтво;
Решта — гірше кріпаків...
.....
За широкими морями
Піднялися козаки.
Крила виресли, орлами
Пруть з вірю бурлаки.
Гей, москаль, ставай до бою!
Ще козачий дух не вмер, —
Той побореться з тобою,
Ч'є імя в степах ти стер.

Ф. Полковников. (Загреб).

Христос Воскрес!

Посвящается З. С.

Сколько лет прошло? Пять, десять, двадцать, сто?.. Не все ль равно?.. То кажется, что это было давно, очень давно, что кажется и не было никогда, то, так отчетливо и ясно вспоминается, как будто это было вчера, один час, одну секунду назад...

Что это — явь или сон?

Что это — бред?..

Борьба и стоны, и радость, и смех... Семья, корпус, партизанский отряд, Гуково, Звереве, Каменоломни, Персияновка... красные, белые, холодающий ужас, лихость, задор, первое апреля, Аксай, Заплавская, окопы, Боросовский рудник... Боже! Сколько имен, сколько напряженных минут, часов, дней, ночей...

... Жизнь-смерть, жизнь-смерть, — тикают карманные часы: жизнь-смерть...

Двадцать третье апреля. Родной Город...

Христос Воскресе!

Христос Воскрес!

Толпы, толпы народа и нет отдельных лиц, — на всем:

Христос Воскрес!

А вот старушка, вся белая от старости, вся белая от радости Пасхи и „спасения“, сует маленькому партизану в рот леденец...

Христос Воскрес!..

Не стыдно, нет... так хочется смеяться — от сча-

стья; так хочется обнять всех, раствориться в радости... Домой, домой...

Христос Воскрес!..

Смеется город — так весело, так хорошо... И ухает где-то за тюрьмой красная пушка, ей вторит, из-за ограды корпусного парка, наша... Бум- бум!

Христос Воскресе!..

Как радостна жизнь, как радостна весна, и молодость, и жизнь, и смерть... Как хорошо все, о Боже, Боже!..

Христос Воскрес!..

Блестит собор, переливаясь солнечным золотом, таким смеющимся, задорным, и бросает в степь далеко, далеко:

Бим-бом, бим-бом!!

Христос Воскресе!

Христос Воскрес!

И, слившись вместе, жизнь и смерть, смех толпы и стоны раненых, скрежет умирающих и поцелуй ласки, любви и всепрощения, — бим-бом! бим-бом!

Христос Воскресе!

Христос Воскрес!..

Одно... одно... Все — радость бытия и дым пожара, запах крови и фимиам у ног Воскресшего Христа, старость и юность, костлявая смерть и трепещущая жизнь, — все несутся, слившись, в далеком безоблачном небе, очищаясь в весенних лучах, сплетаясь неразрывно, как неразрывны смерть и жизнь...

Христос Воскресе!

Христос Воскрес!..

Вадим Курганский.

Их было двое...

Их было двое около нее — оба молодые и веселые, оба жизнерадостные, полные сил и здоровья... Оба неизменно следовали за ней по пятам, оба наперерыв ловили каждое ее слово, исполняли каждый каприз, и оба одинаково глубоко любили ее... И часто по вечерам, когда оба они сидели по сторонам ее кресла в уютной гостиной и наперерыв старались завладеть ее вниманием, она долго смотрела в глаза то одного, то другого и не знала — кого предпочесть...

Один высокий, неизменно элегантный поручик, остроумный и находчивый в дружеской пикировке всегда больше привлекал ее внимание... В удушливо-веселой атмосфере бавал, в кружащем голову вихре вальса, под томный стон рояля, когда хорошенькая головка ее склонялась на плечо поручика, она замирала от сладкого волнения и ей казалось, что она любит его...

Но когда степной ветер свистел в ушах на бешеном скаку рвущихся в безграничность Кубанских просторов лошадей, когда далеко вокруг разносилась частая дробь копыт по утопанной степной дороге, когда рядом, прильнув к шее коня, во весь карьер неслась широкоплечая, череской туго стянутая фигура другого — она забывала о всем мире и казалось, что все существо ее полно одним только чувством любви к зорко слепящему за каждым движением ее коня молодому хорунжему...

И снова вечерами она подолгу смотрела в глаза то одного, то другого и точно искала в них ответа на мучительный, непонятный вопрос... Но ответа не было... Ей ли семнадцатилетней девочке, едва окончившей гимназию, было разобратся — кто из двух, одинаково веселых, одинаково красивых, одинаково ей преданных любит ее молоденькое, ко всему миру ласковое сердечко... А она знала, что недалеко уже все приближающийся день, когда вопрос этот станет перед ней открыто, вплотную и придется дать на него короткий, ясный ответ... И она со страхом ждала этот день, даже плакала, даже пробовала молиться...

И день этот пришел... Пришел вслед за другим страш-

ным днем, когда гулко прокатился над Европой Сараевский выстрел и угрожающим эхом завортели ему со всех концов земного шара сотни оружейных жерл...

Они оба — молодые и красивые каждый по своему, один — в блестящем, парадном мундире, другой — в черной черкеске, с двумя рядами серебряных газырей на выпуклой груди, вошли в маленькую гостинную и сказали ей все... Говорил поручик — низким, чуть дрожащим от волнения голосом... Она не слушала его, да и зачем?.. Разве ж она не знала наперед, что он скажет ей?.. Разве плавные звуки вальса, да свист степного ветра в ушах не рассказали ей давно уже всего?..

А другой молчал и только тепло смотрели на хрупкую фигурку его большие, черные глаза... И когда кончил поручик, поставив перед ней с беспощадной ясностью давно пугавший ее вопрос — кого из двух? — она вдруг расплакалась и с плачем убежала из гостинной... А через пол-часа к ним, в волнении ожидающим ответа, вышла чопорная мать и пояснила, что ее дочь не может сейчас дать ответа и просит обоих подождать... Оба тяжело вздохнули, попрощались и вышли, и каждый унес в душе твердое намерение ожидать решающего слова хоть до смерти. А вечером дребезжащие вагоны уносили обоих в противоположные концы России — одного на германский фронт, в суетливую обстановку штаба, другого — в занесенные снегом трущобы Армении, в холодные, мокрые землянки...

Она осталась одна. Много — целыми ночами напролет думала она над ответом... Подолгу рассматривала фотографические карточки обоих, неизменно стоявшие на маленьком столике возле кровати, вспоминала каждое движение, каждую черточку то одного, то другого, плакала и подчас считала себя истинно несчастной... Постоянно получала она длинные письма, то с одного то с другого фронта, прочитывала их одинаково внимательно, одинаково замирая от волнения и писала одинаково длинные, слезинками закапанные ответы...

Так прошел длинный год... И неожиданно, в один

из удушливо знойных вечеров, в маленькой гостинной появился изящный поручик... Радостно дрогнуло сердце и вдруг сразу на момент больно замерло, когда по привычке обратились глаза в другую сторону, ища другую, так же близкую сердцу фигуру...

Как то смутно, уже не так ясно всплывал перед ней после этой недели отпуска изящного поручика образ хорунжего. Ведь он был далеко... Бог знает где, в скалистых ущельях затерялась его голодная, замерзающая зимой, задыхающаяся от зноя летом, сотня... А другой через пол-года приехал снова, потом снова и снова... Не раз пришлось услышать ей слова родителей о „большой разнице“ между дворянином и „простым казаком“ и... медленно уступало юное сердце... А потом вдруг перестали приходить письма от хорунжего. Сначала горько изумилась она, поплакала (ведь не знала она, что матерью отдан строгий наказ при слуге и все письма с Кавказского фронта беспощадно предаются огню), а потом... снова приехал тот и зазвучали в ушах тягучие звуки вальса... Прошел еще год, исчезла с маленького столика одна из двух фотографий, а еще через год опираясь на руку высокого, уже не поручика, а ротмистра стояла она перед алтарем и, замирая, слушала торжественный голос священника и пение хора...

И началась упойтельная, безоблачно-ясная, чудная сказка... Как во сне жила она, вдвойне оберегаемая заботливыми родителями и любящим мужем от ужасов вдруг разразившейся кровавой бури... Молодой ротмистр уже не вернулся больше на разлагающийся фронт... И под крылышком горячего любимого мужа обо всем на свете забывала она... Только изредка всплывали откуда-то изглубока неясный, далекий образ — туго стянутая черкесской фигурой и темные, немой укоризной полные глаза... Но все это было где то далеко... в прошлом, а тут близко, рядом были другие глаза, полные любви и счастья...

И только в страшную, незабываемую ночь вдруг сразу проснулась она от этого сна... Давно уже перебрались они с мужем в станицу, к знакомым, — без опасней было от надвигающихся с севера красных волн... И вот ночью застучали по широкому станичному шляху копыта лошадей и на скаку соскочил с седла перед маленьким домиком стройный, с георгиевским крестом на груди сотник... От самого Екатеринодара во весь карьер несся он с десятком верных казаков — спасти свою любимую... Взволнованный, выскочил навстречу ротмистру, утративший добрую долю своей былой шеголеватости... Она спала сладким сном в своей кровати, да и не хотел видеть ее сотник — еще в Екатеринодаре от родителей узнал он обо всем... Придушенным голосом, стараясь не смотреть на растерянную фигуру счастливого соперника, предупредил он его о надвигающейся опасности... За станицей уже раздавались редкие выстрелы...

Уже передовые цепи большевиков входили в станицу, когда вдруг словно бешеная ринулась навстречу им нивесть откуда взявшаяся горсточка казаков... Впереди их рвался в самую пасть смерти молодой сотник, защищая жизнь и счастье своей любимой... Не победы искал он в неравном бою, окруженный сотнями озеленных врагов, а смерти, — не нужна ему теперь была жизнь. Да не сулил рок казаку найти смерть в бою, — трижды раненый, обессиленный, упал он с коня и был живым взят торжествующими красными... А через пол-часа грубые руки победителей втолкнули

окровавленного казака в темный амбар, временно обращенный в тюрьму... Почти полна уже была она — были тут и женщины, и старики, и беззащитные дети, и мужчины, которых то и дело вызывали на допрос... В полумраке неясно копошились ужасом, как судорогой сведенные тела... Только изредка падал луч света в открывающуюся дверь и красногвардейцы вталкивали внутрь новые жертвы, или вдруг называли фамилии уже допрошенных... И тогда леденящий ужас сковывал всех... А через несколько минут где то близко раздавался ружейный залп и снова наступала тишина.

И когда раскрылась дверь и, возвращаясь с допроса, вошла в подвал высокая фигура в офицерском кителе с сорванными погонами, — молодой сотник вскрикнул от ужаса... А навстречу вошедшему с воплем метнулась хрупкая женская фигурка и прильнула к нему...

Все поплыло перед глазами сотника... Узнал он, узнал и эту стройную фигурку и измененный отчаянием дорогой голос... Не судьба, видно, ему было спасти свою любимую...

А она рыдала, билась в истерике, на руках бледного как полотно мужа, задыхалась в рыданиях и, наконец, затихла, спрятав золотистую головку на плече офицера... Слабый свет луны, пробиваясь сквозь узенькое окошечко под потолок, освещал их прижавшихся к стене прямо против сотника. Он смотрел на дрожащее тело, слышал ее судорожные всхлипывания и ни злости, ни ревности не чувствовал он — только мучительная боль, да бессильное бешенство против красных победителей сжимали его сердце... Томительно долго тянулись минуты... За стеной раздавались пьяные возгласы празднующих победу красногвардейцев.

Вдруг досчатая дверь растворилась настежь, полумрак снова прорезала светлая полоса и пьяный голос выкрикнул несколько фамилий... В амбаре пронесся отчаянный женский вопль — среди хрипло выговоренных слов разобрал с ужасом молодой сотник и фамилию ее мужа...

Несколько дрожащих фигур медленно вышло из сарая... Бледный как бумага ротмистр напрасно старался разомкнуть тонкие, кольцом обвившие его шею руки, отодвинуть бьющееся в конвульсиях тело...

Решительным, резким движением поднялся с места молодой сотник... Спокойно подошел к офицеру, сорвал с плеч его шинель и, набросив на себя, так же спокойно пошел к выходу... Вокруг сразу воцарилась мертвая тишина... Широко раскрытыми глазами всматривалась притихшая, молодая женщина в пробирающуюся к выходу фигуру... Резкий голос солдата сердито повторил фамилию ротмистра и спокойно ответил сотник — здесь... А когда пал луч света на его окровавленное лицо, в тишине вдруг снова пронесся истерический женский вопль...

Дверь с треском захлопнулась... Женщина рыдала на руках растерянного ротмистра... За стенами амбара вдруг прозвучал короткий, отрывистый залп...

На рассвете казачья сотня с боя ворвалась в станицу. Из подоженного на прощанье красными амбара с трудом удалось освободить заключенных... Среди них был высокий мужчина в форме ротмистра и поседевшая, страданиями состаренная женщина...

А через несколько недель ворота одной женской обители в Кавказских горах раскрылись, чтобы пропустить еще одну сестру, познавшую горечь и страдания земной жизни...

В. П. Елисеев (В. Петров).

На провесне.

(Из „Исхода“).

... Сыро. Не сыро, а мокро... Мокрый мой неустойчивый передок от развода, на котором я качаюсь несколько недель; мокрые завалившиеся бока, подбившихся на невиденном ими доселе твердом шоссе, моих истощенных — перепавшихся коней — Вороного и Кобылы. Мокрые хомуты и тяги, а вожжи побелели и вы-

тянулись — расквасились. Крупные капли воды, как живое серебро, катаются по желтым, еще нежившим листьям придорожных деревьев. Мокрый лес, мокрые горы. Все мокро. Душа мокрая... А туман-то какой! Все затопил. Пропасть налево тоже в тумане. Как в крупнейшем котле, в ней, клубясь, кипит темно-серая масса,

которая, поднимаясь к небу, делается все белей и белей, пока, наконец, совсем не исчезнет, влившись в прозрачные облака высоких, высоких гор...

— Бог ишо оглядывается на нас, грешных — слышу на задней подводе замечание „беженца“. Спасибо — ишо не так холодно...

Что холодно, то уже, правда — „не так“. Сыро только, мокро, сивирка. На провесне, как раз. Но что не грязь, а грязь, то этого никто не будет отрицать. Налипла на колеса, что их и не видать. Крутнутся будто раз-другой, а потом, затрусившись, опять прямоком пойдут — опять загальмовали. Вот тебе и каменная дорога — „шосса“, а не выдержала. Не расквасилась, как мягкая кубанская, а разбилась, смешался камень с глиною, потому и крутит на колеса.

Ну, чтобы было, если бы до этого долгожданного шоссе добрались все подводы, что побросали в черкеских аулах и кубанских полях? Позадушились бы на этом шоссе. А калмыцкие табуны да тысячи „возилок“ с будками на них?.. Нет их давно. Вот потому то калмыки и идут пешком или едут верхом на верблюдах. И не по одному, а по два, по три человека... Смотрите на эту калмычку-мать, что едет на изнуренном, еле вытягивающем ноги из глубоких выбоин, верблюде. Сзади у нее привязана не то корзина, не то какая-то сапетка, а из этой сапетки, как из голубино гнезда, торчат молчаливые головки двух калмычат-детей. Мать правит, а впереди, на руках еще один калмыченоч, уже совсем птенец — грудной.

Ну, не дай же Бог, свалится верблюд! Что будет с матерью и ее детьми?..

Через каждые десять шагов — дохлая лошадь, бык или верблюд. А сколько их, полуживых манекенов расставлено как по шнуру, по обеим сторонам шоссе! Стоят, как вежи, как будто нарочно их кто расставил по над самой пропастью. Окаменели уже давно, а сами все стоят да трусят нижними губами. Уставили свои мутные, свинцовые глаза на клубящийся у подножья бездны пар-туман, на его густые, мохнатые воздушные волны, что вылетают из глубокого дна, кивая дюжинами драконовских голов, и стоят. У самих уже кровь застыла, а все стоят, пока, как от электрического тока, не подкосятся сразу все четыре копыта и не загудят в бездонную могилу, увлекая за собой задеваемые по дороге тяжелые камни. Тогда в тихом, мокром лесу глухие, тяжелые скачки перемешиваются с звонким треском сушняка...

Мост. Правда, не широкий, но высоко-высоко повис над быстрой, с каменистым дном реченкой. А самое главное, что ветхий и весь трусится, когда едешь. — Поистине, „живой мост“. Едут по нем, а у самих так и сжимается сердце... Чуть муренот белые камни на дне речки, обмываемые пенистой холодной водой... Бр-р-р! Страшно. Но едут и... переезжают. — Все Бог...

У моста — домик. Не то мостовщика, не то бывший какой то кордон. Но не в домике дело. На домик никто бы не обратил внимания. Спешка. А вот что заставляет всех поворачивать головы к этому домику: конь. Самый обыкновенный конь. Но конь этот не то одурел, не то еще что то с ним случилось, только зачем-то сует он свою морду в желоб домика. Прямо силится влезть в него, в этот желоб и как-то страшно не то воет, не то стонет. Совсем не по-конски, а больше по-зверски. Жутко становится за этого коня, потерявшего свой лошадиный разум от усталости и истощения...

Во рву шоссе лежит, распластавшись, мертвец. С сапог его стекает желтая грязь. — Недавно, знать, упал. В грязь лицо и одежда. Мокрые пряди белокурых волос, выбившись из под шапки, закрыли ему глаза. И подводы, и конные, и пешие проходят мимо, молча. Только все смотрят да вздыхают. Кто и перекрестится... Подобрать? Куда?..

Бедная мать, отец, жена и бедные дети! Никогда вы не найдете родной могилы вашего дорогого семьянина, свалившегося в тяжелых муках на Туапсинском шоссе, вместе с конями, быками и верблюдами. Где же там найти вам ее, когда она никем не копалась? Место, хотя бы?.. Ну, место вам очевидцы когда-нибудь покажут...

Заболевшие вчера тифом учитель Сулацков и его

жена лежали в подводе под лантухом. А сегодня вижу их, шагающих по колено в грязи. На учителя — учительское, форменное, с желтыми пуговицами пальто, все залепанное грязью; на ней — простая бабья пальтушка. Подметки отстали, и у обоих видны мокрые чулки. Ногам мокро. Но учитель и жена идут, взявшись для устойчивости за руки и наклонившись друг к другу. Кто из них кого ведет — неизвестно, ибо оба еле-еле вытаскивают из липкой глины свои слабые ноги. Хлоп-хлоп по ровику шоссе. К сторонке прижимаются, боясь, чтобы какая подвода или конный не задел. Хлопают, а попроситься на подводу не просятся. — Бесплезно, когда эти подводы то и дело бросаются по дороге. Одно выпрыгают да мостятся верхом. Но какой же там „верхом“, когда лошади шатаются, как пьяные?..

Еще мертвец. Виден и след, как сволокли его с дороги. Этого хотя прикрыли чекменем...

Очередной верблюд растянулся поперек дороги. Спешат оттащить его в сторону. Хотя ты и верблюд, хотя ты и неприхотливое животное и в большой зной песчаную Сахару мог пересечь, а вот Туапсинской шоссе не осилил — свалился... Возле верблюда — с уздой опечаленный калмык и калмычка с грудным ребенком...

А по сторонам хоть и не гляди. Кони, кони и кони... Трусят нижними губами, а зубы уже, как у дохлых, оскаленные и крепко, крепко стиснутые...

Сыро. Мокро... На душе — камень. Но все упорно стремится к морю, к „концу“ страданий. Спешат пройти голодную и грязную „шоссу“, а там, что будет, то будет...

Спят к этому морю и старый дед с белой раскладистой — „генеральской“ бородой. В высоких сапогах, коротком, туго затянутом сюртуке и высокой, с красным верхом папахой шагает он своей твердой поступью, стараясь не отставать от подвод. Этот дед уже несколько дней попадает мне на глаза.

Идет он всегда одиноко, уставив задумчивый свой взор в глинистое шоссе. Не вижу, чтобы с кем он когда разговаривал. Идет себе и идет. Когда захочет закуришь, остановится и, выгавив из-за пазухи вырванный карман-кисет, спокойно сворачивает цыгарку. Закурит неспеша, окинет глазами обогнавшие его подводы, подумает, подумает, переведя от них свой больной взор в сторону, и снова зашагает вместе со своим кисетом и сучковатым, грушевым байдином... Табак и байдик. При чем остался...

— Биас! Чистейший Биас! — Все свое несет с бою...

... А когда я увидел Туапсе, а у ее подножья сверкающее на провесне море, увидел „конец“, и когда бросил на берегу этого моря двуколку, Вороного, Кобылу и даже кнут, — тогда я тоже стал „Биасом“... Тогда мы все, долго чающие моря, стали „Биасами“... Уподобились греческому философу, ничего не взявшему при завоевании его родного города Приенны...

С трупом пробираясь на забытый „беженцами“ пароход, я видел как сердито пенившееся море, докатываясь до серого прибрежного булыжника, силилось поглотить перекинутый на нем вверх колесами мой разводный передок, а горько-соленые брызги мочи завалившиеся бока там же уныло стоявших Коня и Кобылы. Уши у них свисли, зубы оскалились и крепко-крепко стиснулись, а нижние губы трусились...

А в воздухе уже чувствовалась весна. Лес еще, правда, был без листа, но зеленая травка уже не хотела быть под землей. Мертвая, она начинала оживать под ласкающими ее весенними лучами солнца и, оживая, растилала свой зеленый ковер и здесь, у подножья Туапсе, и там наверху, на неуспевших еще облиститься высоких горах.

Оживала травка и там... Где на „прогоне“ уныло опустили свои махи выстроенные в ряд „ветряки“; где сады весною не зеленеют, а „темнеют“ („темные сады“); где в центре куреней белеет церковь, а на ее алтаре, из-за облистившихся высоких, стройных тополей ограды, будут гореть на всю церковную площадь золотые буквы:

— „Приидите ко мне вси труждающиеся в обременении и аз успокою вы“...

Константин Поляков.

(Прага).

* * *

Степь затихла, осели курганы,
Уж не слышится посвист лихой...
Все ж за муки, страдания Степана
Мы Москве отплатили с лихвой.

Обнажилась степь, почернела
Не волнуется буйной травой
И родная река обмелела
Не играет седою волной.

Не услышать родного напева
В тех упитанных кровью степях,
Не измерить казачьего гнева
В оскорбленных и гордых сердцах.

Там в Черкасске, у нашей святыни,
Вросший в землю могучий Ермак,
Он стоит там на страже и ныне —
Наша гордость — кольчужный казак...

Взглядом пристальным в даль устремился,
В голубую, привольную ширь...
Только б знал он, тогда б не трудился
Добывать для кого то Сибирь.

Своим бронзовым сердцем болеет,
Видя муки родимых детей
И как кости казачьи белеют
Средь унылых, печальных степей...

Степь затихла, но только на время
И уж слышится клич боевой:
За несчастье казачьего племени
Распростаться нам надо с Москвой.

А Ермак металлическим взором
Устремился в степную даль...
Ждет и знает, что вновь на просторах
Заблестит казачья сталь.

Тихо плещутся волны седые,
Волны тихой родной реки...
Да, воскреснут дни Воли былые.
Да, живут же еще казаки!

Паневропа и панбольшевизм.

В дни, когда вступает в силу новый репарационный план Юнга, когда последние французские солдаты покидают прирейнскую провинцию, когда развязываются последние узлы, закрученные Великой войной, опять рождается мысль о политической и экономической репарации Европы на началах, которые бы исключили возможность повторения недавно пережитых бед и их чреватых последствий.

Это обычный удел страниц истории, аналогичных переживаемому нами времени. Так было в дни, когда возник „Священный союз“ после свержения Наполеона и окончания его европейских походов. К этому шел и сам Наполеон, который, говорят, узнав на острове Св. Елены об образовании Священного союза, воскликнул: „Злодеи! Они украли у меня мою мысль!“ Так возникла на дымящихся еще развалинах на полях Европы Лига Наций. Эти же настроения выражает теперь и Бриан, взявший на себя инициативу первых пробных шагов по реализации мысли о Паневропе.

Призыв сговориться, наладить так политические интересы европейских государств, чтоб исключить совершенно возможность вооруженного столкновения, обеспечить мир всей Европе и построить общее солидарное целое, — в этом трудно провести грань между старым и новым, между общей концепцией мирного сожительства народов и индивидуальными мыслями Бриана, выраженными в его последнем меморандуме.

Но имеются два обстоятельства, неотъемлемые от нашего времени и не могущие так, или иначе не влиять на судьбу всех крупных современных политических проектов и не отражаться

на их внутреннем смысле. Первое из них, — это провозглашенный Вильсоном принцип самоопределения народов. Если этот принцип и не осуществлен во всей той полноте, в которой его мыслил автор, то все же нельзя отрицать, что современная политическая карта Европы построена в значительной мере именно на этом принципе. Освобождение народов, кристаллизация национальностей — это знамение истории, под которым протекает развитие человечества наших дней. Каковы бы не были проекты новой реорганизации человечества во имя самых красивых целей, они могут считаться современными лишь в том случае, если будут соответствовать духу времени, столь ярко выраженному в упомянутом принципе Вильсона. Это положение совершенно очевидно и для Бриана.

„Священный союз“ был союзом династий. Французская революция проложила брешь в династическом принципе, сделав из него ось борьбы за и против в масштабах всей Европы. Объединяясь в Священный союз „для обеспечения мира и сохранения христианской морали“, победители Франции прежде всего обеспечивали крепость своих династий — императоров русского, австрийского и короля прусского. Иначе в то время и быть не могло, ибо общей крышей Европы были лишь династии. Победил ли бы Наполеон, — его объединение Европы значило бы объединение под знаменем лозунгов французской революции, под навесом Франции во главе с Наполеоном.

Мысль о современном единении Европы исключает, как растворение всех в каком то новом целом, так и подчинение всех кому то одному. Есть, правда, небольшая группа немецких

шовинистов, для которых Паневропа представляется прежде всего, как Европа под „культурным главенством“ Германии. Но это сны, видеть которые никому не возбраняется. Та Паневропа, о которой говорит Бриан, и которая занимает теперь современную общественность, есть прежде всего Паневропа равных.

Было бы глубокой ошибкой считать, что появление и развитие идеи Паневропы символизирует начало конца освободительному движению народов, что это поворот в другую сторону. Скорее обратное: она быть может лишней раз утверждает тот национальный признак, по которому (хотя в общем!) построена современная Европа, ища единство формы не в объединении государственном, династическом или каком либо ином, но в территориальном понятии Европы.

Паневропа не несет в себе никакой новой „надвласти“, но утверждает власти существующие, предлагая им координировать свои действия. Тот, кто глашает паневропские идеи, тот не предрешает судеб внутреннего исторического развития Европы, в частности путей национальных движений ее народов. И лишь все то, что будет направлено на подавление части, в любом ее отображении, европейского целого, будет одновременно противоречить и идее самой Паневропы. В этой своеобразной призме и преломляется теперь далеко сама по себе не новая идея единения Европы во имя мира и общего блага.

Другое дело осуществимость названной идеи. Если уже сама по себе эта мысль всегда бы навела на размышления об огромных трудностях ее практического проведения, то тем более это естественно в условиях нашего времени. Мы

имеем в виду второе обстоятельство, закрывать глаза на которое нельзя при обсуждении проектов реорганизации человеческого общежития: большевизм. Как можно говорить о пригодном для объединения моменте, пользуясь „устоявшейся поверхностью“ Европы, когда под этой поверхностью гуляет мертвая зыбь большевизма, грозящего снести всякую постройку? Как говорить о создании для мира паневропы, когда с востока льется панбольшевизм для войны? Паневропа строится тактикой ее наиопытных мужей, панбольшевизм — практикой подпольной разрушительной работы: „вы нас тактикой, а мы вас практикой“. Сопоставление этих двух органически враждебных программ, не говоря уже о других трудностях, заставляет сомневаться в осуществимости идеи паневропы, по крайней мере в условиях нашего времени: прежде чем создавать союз для мира, нужно уничтожить источник войны, войны с цивилизацией, культурой, прогрессом, моралью и т. д. — со всем, с чем ведет ее панбольшевизм.

Огонь и вода рядом мирно ужиться не могут: или испарится вода, или погаснет огонь. Так не могут рядом ужиться вещаемый из Москвы панбольшевизм, построенный на начале рабства, принуждения и силы, и проектируемая Брианом паневропа, мыслимая лишь на началах свободы, добровольности и равноправия входящих в нее народов. Или панбольшевизм зальет и Европу и паневропу, или народы, находящиеся в лапах панбольшевизма, должны сбросить его с себя, — третьего выхода быть не может. Будет ли ликвидирован панбольшевизм и dokonчено освобождение народов всей Европы, — тогда можно будет подумать и о паневропе.

Инж. В. Бейсуг.

Совхозы и колхозы.

1. Совхозы (Советские хозяйства).

Программа политики советской власти в области сельского хозяйства может быть выражена одним словом: „обобществление“. Формы, в которых претворяется это обобществление в жизнь, советская действительность знает две — совхозы и колхозы. Им и посвящаем мы настоящий очерк.

Начнем с совхозов. Вопреки широко распространенному мнению, относящему идею совхозов в область досужих фантазий социализма, и в противоположность колхозам, уже по своей идее являющихся специальной социалистической формой социальных отношений, организация совхозов есть прежде всего проблема технико-экономическая. Лишь в условиях СССР, где на все смотрят через стекло социализма, и из этого вопроса рационализации сельско-хозяйственного производства сделала эксперимент социалистического „обобществления“. Сама же идея „зерновых фабрик“, повторяем, является вовсе не большевицким изобретением.

Особенности, характеризующие сельскохозяйственное производство и делающие его значительно отличным от производства промышленного, несомненны. Однако, вопрос о том, насколько с.-хозяйство вообще не подчинено тем же самым экономическим тенденциям, по которым происходит развитие промышленности, — спорен. Имеется много данных за то, что скорее можно здесь говорить о различных формах проявления тех же

законов, чем о различии самих законов. Если так, то и для с.-хозяйства не может пройти бесследным то огромное развитие техники, концентрации производства и механизации труда, под знаком которых протекает современное развитие промышленности. Электрфикация, появление сложных комбинированных сельско-хозяйственных машин, — все это отображение тех же принципов, какие давно уже завоевали себе место в промышленности.

Новые технические средства поставили на повестку дня вопрос и о размерах сельско-хозяйственного предприятия, при которых бы с.-хоз. производство приносило бы максимум прибыльности. В промышленности уже достаточно обоснованным оказывается совершенный принцип получения небольшой прибыли на единицу продукта, но за то большого оборота, а тем и получения большой суммы из отдельных маленьких прибылей. Залогом благих результатов этого принципа является, однако, большое предприятие, которое и завоевало теперь себе первое место в промышленности.

А в сельском хозяйстве? Можно ли и здесь снизить высокие производственные издержки применением машин, ведением дела в больших масштабах, объединением хозяйств в акционерные кампании, быть может даже сельско-хозяйственные производственные тресты? Форд отвечает, что да, и смотрит на сельское хозяйство, как на отсталую от города промышленность деревни. Аналогично смотрят на дело и руководители

ряда крупнейших американских трестов, организовывающих на чисто крупно-промышленных началах производство в колониях различных тропических растений (каучук, сахарный тростник) и фруктов, и ведущих хозяйство на плантациях в тысячи гектаров.

Если недавняя закупка Фордом десятков тысяч акров земли имеет целью устроить показательную ферму, где полная механизация труда должна будет доказать правоту воззрений Форда, то достижения т. наз. „фермерского общества Кампбелля“ в С. Штатах дают в этом направлении уже и готовые материалы. Еще до недавня, пока не появился советский совхоз „Гигант“ на Сев. Кавказе с его площадью в 130 т. гект., зерновое хозяйство этого общества было самым крупным в мире. Площадь его хозяйства выражалась в 100 тыс. акров. Производственные издержки в 1926 г. составляли по официальному стандарту в С. Шт. 16,5 долл. на акр. В обществе же Кампбелля они были сведены до 8 долл., что достигалось исключительной механизацией труда, применением комбинированных машин, сокращавших иногда время работы в 4 раза, уменьшением до минимума числа рабочих и почти полным устранением животной тяги. (На своей ферме Форд хочет свести работу к 15 рабочим дням за год!). Сам Кампбелль, кстати сказать, приглашался на некоторое время большевиками в СССР в качестве советника по организации совхозов.

Если „фермерское общество Кампбелля“ представляет пример исключительный, то более скромные с.-хоз. предприятия в форме акционерных кампаний представляют уже далеко не редкие примеры в С. Штатах. Если за 1922—1926 г.г. в С. Штатах до 10 милл. фермеров с семьями оставили свои фермы, то это в значительной мере объясняется именно трудностью конкуренции с „напирателями“ с.-хоз. великанами.

Из европейских стран наиболее характерна для процесса увеличения с.-хоз. предприятий Германия. Американских примеров мы здесь не найдем, но в то же время уже почти половина обрабатываемой с.-хоз. площади Германии обрабатывается по чисто промышленным методам, с применением принципов современной рационализации труда, использованием всех преимуществ крупных предприятий, принимающих тоже нередко форму и акционерных кампаний, не говоря уже о различных с.-хоз. товариществах.

Вот несколько предпосылок, которые мы считаем нужным сделать, чтоб показать технико-экономическую ложность, быть может и спорную, но несомненно лежащую в основе „фабрик зерна“.

В СССР однако эта „сущность“ приняла довольно таки несвойственные самое для себя формы. Прежде всего за дело строительства зерновых фабрик взялось государство. Мероприятие это вызывалось тем, что огромный дефицит с.-хоз. продуктов создавал весьма реальную опасность для существования большевиков. Нужно было в спешном порядке создать какие то новые источники для производства зерна. Коммунисты решили использовать американский опыт и создать сеть специальных государственных хозяйств, весьма больших размеров каждое и построенных на принципе максимально возможной механизации труда. Но этого мало. Перед совхозами было поставлено задание взять на себя руководящую роль в процессе обобществления сельского хозяйства, иначе говоря на чисто технико-экономические предприятия взыались еще задачи социально-политические, ставшие сразу тянуть совхозы на дно. „Снабженные усовершенствованной машинной техникой и кадрами опытных специалистов, совхозы должны служить базой агрикультурного влияния на окружающее население, оказывая одновременно и практическую помощь в снабжении сортовом зерном, по обработке полей и прочее. Участвуя в организации машино-тракторных станций, совхозы тем самым должны содействовать коллективизации (уже этого то Кампбелль наперво не советовал!) и реконструкции сельского хозяйства, являясь образцом выгодности крупного хозяйства на социалистических началах“.

В 1929 г. была намечена организация 44 совхозов с общей площадью в 1.653.000 гект. Из них 4 на Сев. Кавказе, 8 в Нижне-Волжском Крае, 7 в Казакстане.

Совхозам было поставлено задание произвести в том же году 100 м. пуд. товарного хлеба. На одно из первых мест в СССР по размерам совхозного строительства выдвигается Казакстан, что объясняется обилием там свободных земель, а с другой стороны возможностью пользоваться совхозами как фактором колонизационной политики. Площадь совхозов в Казакстане по пятилетке должна занимать в 1932-33 г. 2½ м. г., т. е. 42% от площади всех совхозов РСФСР, а зерновая продукция должна дойти до 6,8 м. ц. Для осуществления совхозного строительства на Казакстан отпускается 120 м. р. Этот же Казакстан является районом, где по пятилетке должны развиваться и другие совхозы: животноводческие, рисовые (до 300 т. г., гл. обр. в районе строящейся Туркестано-сибирской ж. д.) и др.

В Северо-Кавказском Крае под совхозы отведено 627 т. г., в том числе 419 т. г. под пшеницу, с общим сбором в 68,9 м. цент. (5,8% от сбора по всему краю). Высокие запроецированные цифры сбора объясняются тем, что большевики надеются, что улучшенная обработка земли даст в совхозах урожай на 9,3% больший, чем у частных лиц, по озимой, на 56% (!) по кукурузе и на 25% по подсолнуху.

Одним из самых крупных совхозов является совхоз в Сальском округе (120 т. г.). На Кубани самая крупная площадь запроецирована под совхоз в Приазовских плавнях (140 т. г.), где в прошлом году освоилось 5 т. г., в текущем намечено 50 т. г. (в 1931-32 г. мечтают от 65 т. г.). Вторым по величине совхозом на Кубани должен быть совхоз Зернотреста в районе Тихорецком, Н.-Покровском и др. сев.-вост. районах (65 т. г.). Из других кубанских совхозов намеченных к освоению в этом году, укажем совхоз в районе Павловской—Каневской—Брюховедкой (12 т. г.), в районе Кореновской (4 т. г.), в Закубанских кустарниках (2,5 т. г.) под табак и 1 т. г. под кефаль в Закубанских плавнях. Бывшее удельное имение в Черном. губ. „Абрау-Дюрсо“ также преобразовано в совхоз. Форму винсовхоза приняли и частновладельческие виноградники в районе Анапы.

Поскольку совхозы способны выполнить чаяние советской власти в отношении второго задания, т. е. в качестве фактора, содействующего коллективизации, мы ответим дальше, говоря о колхозах; сейчас же посмотрим, насколько обоснованы надежды большевиков на совхозы, как на просто государственные фабрики зерна, могущие помочь выйти из продовольственного затруднения правительству.

Отвечать на специальный вопрос, целесообразны ли в наших условиях „зерновые фабрики“ вообще, мы на страницах нашего журнала не беремся: это трудная специальная экономическая тема. Но вот: можно ли в таком темпе, как хотят большевики, насадить вообще совхозы, — на это ответить можно, и ответить со значительной и вполне обоснованной долей сомнения в успехе подобного эксперимента.

Прежде всего для организации новых совхозов нужны большие средства, напр. в 1929 г. нужно было около 335 м. руб. Располагают ли большевики для этого капиталами? В нашем очерке о пятилетке мы уже затрагивали этот вопрос. Далее идет исключительная потребность в с.-хоз. машинах: до 10.000 тракторов, 20.000 конных плугов, 10.000 тракторных борон, 10.000 тракт. сеялок, 60.000 подвод и т. д. Личный состав, необходимый для колхозного строительства, исчислен кругло в 600 директоров, 200 инженеров-механизаторов, 1500 управляющих со специальным образованием, 400 техников для мастерских, 25 тыс. механиков и трактористов. Где взять этих людей? К 1-И 1928 г., напр. лишь 37,3% руководителей совхозов госсельтрестов имело высшее, или среднее образование, 62,7% же было или без образования или с образованием низшим.

Вопрос о рабочей силе особенно тяжел еще и потому, что ведь совхозы то строятся, гл. обр., в районах незаселенных, без местной рабочей силы. Так же остро встанет в них и вопрос о дорогах, подвозе всего необходимого, жилья и т. д. В совхозах сахаротреста обеспечение жилищными постройками к 1-И 1928 равнялось лишь 45%. В совхозах Сибири рабочие жили часто в землянках.

Преодолеют ли все эти трудности большевики? Все прошлое советской власти вообще, и история ее мероприятий в сельском хозяйстве говорят, что нет. Подтверждает это и „предварительная“ история советских совхозов. Дело в том, что в качестве небольших предприятий „в целях наивозможного увеличения продуктов путем поднятия производительности сельского хозяйства“ большевики применяли совхозы уже 10 лет назад при фабриках и заводах. Число таких „приписных совхозов“ исчислялось в 1921 г. в 2500. С начала 1922-23 совхозная сеть и по числу хозяйств и по размеру освоенных площадей начала сокращаться. К 1 января 1928 г. совхозов в сумме числилось 3103, что означало по сравнению с прежними годами падение на 41%. Из этого числа 854 принадлежало Госсельтрестам, 376 — с.-хоз. кооперации, 7 — концессионерам. Площадь под совхозами составляла в то время 2,2 м. гект. В большинстве случаев совхозы имели заданием ведение зернового хозяйства, скотоводства (в частности коневодства и овцеводства), садоводства, виноградарства, или свеклосахарное и винокуренное производство, или же выполнение сенокосных работ. Мелкие „приписные“ совхозы распались очень быстро, так что значение их в народном хозяйстве быстро сошло на нет. Но и более поздние совхозы, трестированные декретом 1925 г., функционировали тоже далеко не на утеху большевикам: они были убыточны. Себестоимость продуктов совхозов оказывалась в 1½-2, а иногда и 3-4 раза больше, чем были намечены заготовительные цены. Объяснялось это полной безхозяйственностью, царившей в совхозах и полной безалаберностью в орга-

низационном отношении. Этими же причинами объяснялось и низкое качество работы в совхозах.

Теоретически, конечно, совхоз, управляемый специалистами, должен давать урожайность очень высокую и во всяком случае значительно высшую, чем у окружающих крестьян, для которых он должен служить примером „социалистического строительства“. На практике же до сих пор всегда оказывалось, что в совхозах урожай озимых бывал лишь немного выше крестьянского, посевы же яровые даже отставали от него. „Что русскому здорово, — то немцу смерть“, и наоборот, говорит пословица. Так и с этими фабриками зерна: быть может и здоровые начинания в американских условиях, — они дают „смерть“ в условиях советских.

Пойдет ли развитие мирового сельского хозяйства по пути строительства зерновых фабрик, — это спорный экономический и технический вопрос будущего; но только в советских условиях это дело пока никак не идет, да и не может идти, коль скоро „зерновые фабрики“ запягаются в воз социализма. Если на фоне последнего сельско-хоз. краха, который переживают теперь большевики, в совхозах по площади засева дело обстоит относительно (и весьма относительно) благополучно, то это лишний раз подтверждает уже неоднократно оправдавшуюся истину, что у большевиков тем лучше, чем дальше от коммунизма, чем то или иное мероприятие менее связано с социалистическими доктринами, и тем хуже, чем дальше отстоит оно от той или иной проблемы чисто технической и приближается к коммунизму в чистом его виде. Следующая половина нашего очерка, — о колхозах — даст этому лишнюю иллюстрацию.

О. Батурин.

Праздник казачьего просвещения.

(1820—1920—1930 г.г.)

... Богоспасаемые обитатели Края сего, не малодушествовали, нэ всегда порывались усердием и ревностью явить себя достойными его сынами не по одним токмо доблестям воинственным, но и по всегдашнему попечению своему о введении и распространении просвещения в Крае сем.

Из речи 1-го Директора, В. протоиерея К. Россинского при открытии Черноморской В. гимназии 17. V. 1820 года в г. Екатеринодаре.

В виду большого значения образования для современных людей („ученье свет, неученье — тьма“), для нас, естественно, весьма интересно будет знать, как было поставлено дело образования у казаков, в частности на Кубани.

С грустью можно констатировать тот факт, что б. Императорское Российское правительство (так же как и сейчас московские коммунисты) вовсе не заботилось о просвещении богатых Казачьих Земель. Всеми силами Р. правительство стремилось задержать и не допускать проникновения просвещения в толщу казачьих масс.

Один Кубанский кооператор пишет следующее: „Двести лет тому назад образование в России началось с учреждения Академии Наук. На меньшее русские не были согласны... И за 200 с лишним лет они не добрались до такой сети народных школ, чтобы осуществить всеобщую грамотность!“ Это было в России. Что же касается Кубани, то б. Российское правительство не только не собиралось вводить всеобщую грамотность среди Казачества, но строило и не открывало народных школ, но даже запрещало открывать училища за счет казачьих обществ.

Те невероятные трудности и целый ряд преград к свету, к образованию, которые приходилось и приходится преодолевать Казачеству, заставляют меня не-

вольно смотреть на возникновение, у нас, на Кубани, Черноморской Войсковой гимназии — как на какое то необыкновенное чудо...

„Мысль о заведении публичных училищ у себя занимала давно умы благонамеренных Черноморцев“, говорит директор Войсковой Черноморской гимназии. Так напр. Войсковой судья, бригадир и „кавалер“ — Антон Головатый, будучи большим ревнителем просвещения, еще до 1795 г. приглашал ряд учителей для старшинских детей. Как известно, А. Головатый был весьма образованный, знал языки, обладал блестящим красноречием.

В Праге, в Карловом Университете сохранился документ на латинском языке, из которого можно видеть, что Карлов Университет 1795—1796 г.г. был в переписке с „губернером“ Черноморских Войск о возможности открытия на Черномории Академии (вероятно, вообще школы? О. Б.). Драгоценный для нас исторический документ представляет собою ряд пожелтевших от времени рукописных пергаментных листов, как бы вырванных из тетради. По содержанию эти листки напоминают как бы какую то исходящую книгу, правда, без чисел и номеров. Интересующая нас запись помещается на втором листке, часть которого оторвана; начало статьи, в особенности первые слова по протертому нельзя прочесть, можно лишь догадаться, что речь идет о славном Карловом Университете Regni Bohemiae (последние два слова ясно видны). Разобравши с трудом дальше рукопись (сохранилось для нас интересное всего 15 строчек, написанных очень изящно, витиевато, можно сказать прямо художественно почти каждая буква отличается чем либо от ей подобной), я узнал, что дело идет об ответе (к сожалению, неизвестно каком) посланном Карловым Университетом на Caucasia об Академии на Черномории. Кроме того, Карлов Университет запрашивает о флоре реки Кубани (?) и распространении на ней некоторых растений. К сожалению, я этим документом пользовался очень короткое время, а латинский язык труден и для специа-

листов... Поэтому мне не удалось использовать эти весьма интересные сведения в той степени, в какой они того заслуживают...

О переписке Атамана Войска Черноморского с Карловым Университетом указывает и польский граф Поточкий в своем известном сочинении „*Voyage dans les pays du Caucase*“ — 1798 г. ... „Этот храбрый народ, недавно поселенный по берегу Азовского моря, имеет настолько большую склонность к просвещению, что у него даже женщины грамотны!... Их предводитель и „гувернер“ „Antonio Golovten“, настолько образован, что помимо военного дела знает иностранные языки и со мной говорил на родном моем языке без заметного акцента! Этот „гувернер“ хочет устроить здесь *l'école* (училище) и обращается с этой целью в... университет города Праги...“

Может показаться странным, что А. Головатый обращался в далекую Прагу, но это только так кажется на первый взгляд. Дело в том, что „утлые чайки“ запорожцев знала Франция и даже Испания, Африка и Англия... В Праге, в музее возле Масарикова вокзала, есть — картина на которой изображена сотня конных казаков возле Прашной браны (пороховой башни) в г. Праге. Вполне возможно, что пребывание казачества в Праге, дало им возможность ознакомиться со всемирно известным К. Университетом и даже завязать знакомство и переписку. (Кстати сказать Чехия имела уже свой знаменитый Карлов Университет в то время, как в России были еще цари неграмотные, (считали на „бирки“). Ранняя, преждевременная смерть А. Головатого в 1897 г. не дала ему возможности увидеть плоды своих долготелных усилий — открытия Войсковой гимназии. Гимназия начала существовать спустя 20 лет после его смерти. И все же, было бы более правильным называть гимназию (и реальное училище) именем А. Головатого, а не Александровскую.

После смерти Головатого были приглашены как учителя студент Московского Университета Вениамин Иванченко и гимназист К. Поляков. Эти учителя начали обучать в 1800 г. детей старшин (приводили к ним на квартиры) — грамоте, арифметике, по „мере возможности“. Только начиная с 1806 г. обучение становится, более или менее, систематическим, планомерным.

В 1806 г., 14 декабря, был Высочайше утвержден устав уездного „публичного“, училища и в этом же году началась постройка собственного здания первого народного Училища на Черномории. Интересно, что план постройки школы был выработан и прислан из России, несмотря на то, что Ч. Войско спроектировало более дешевый и удобный свой план.

На содержание Училища было собрано куренными атаманами свыше 4.000 рублей пожертвований (куринь Брюховецкий пожертвовал 831 руб., Лебжий монастырь 300 руб.) и из Войсковых сумм Войска Черноморского ассигновано было 1.500 рублей в год. По окончании постройки здания (в крепости) в 1807 г. начались регулярные занятия. Число всех учащихся не превосходило в начале 81 души. Черноморская Войсковая канцелярия неоднократно жертвовала книги в училищную библиотеку и она состояла из 210 экземпляров различных книг и 2 глобусов, что по тогдашним временам было уже приличной библиотекой. Количество учащихся то увеличивалось, то уменьшалось от целого ряда причин, от школы не зависящих. Училищная библиотека продолжала все возрастать благодаря пожертвованиям книгами и деньгами ряда лиц и монастырей. Сумму ассигнованную на содержание училища с 1.500 рублей удалось увеличить и она достигла в 1809 г. до 10.100 рублей. „Екатеринодарское учебное заведение, говорит К. Россинский, более всего было обвешно щедротами Войска... Значительные жертвования незабвенных благотворителей, подавая ему твердую руку помощи, приметным образом извлекали его, так сказать, из колебелей“.

В 1811 году по просьбе многих родителей для учеников был прибавлен к училищному курсу, гимназический класс для преподавания математики и физики. В разгар войны с Наполеоном, в 1813 г., был открыт еще один класс для преподавания в нем словесности. На содержание новых, добавочных учителей шли % с

экономической училищной суммы, достигавшей в то время 25.000 руб. В это время число всех учащихся не превышало ста душ. Что же касается училищной библиотеки, то она благодаря непрекращающимся пожертвованиям значительно возросла, достигла весьма почтенной для того времени цифры — 700 томов... В 1816 г. количество учащихся увеличилось до 160...

Прошло еще четыре года и на Черномории совершилось чудо — открытие гимназии. 17 мая 1820 г. после молебна в присутствии В. Атамана, массы с'ехавшихся гостей из куреней (теперешние станицы назывались тогда еще куринями) и другой публики, после часовой речи ее директора, гимназия была объявлена открытой. По одним сведениям занятия начались тотчас в составе 200 учеников, по другим — лишь осенью в количестве лишь 160 душ.

Гимназия просуществовала до 1830 г., когда она была закрыта по распоряжению из Петрограда, Императора Николая I. Все же она успела произвести два выпуска и, тем самым, положила начало „классическому образованию“ на Черномории. Причины закрытия В. гимназии толкуют различно. Одни говорят, что она закрылась за отсутствием средств и вообще не желанием казаков отдавать своих детей в „ненужную“, излишнюю им гимназию. Говорить так, значит или сознательно лгать или совершенно не понимать духа и уклада жизни тогдашних Черноморцев. „Богоспасаемые обитатели Края сего всегда порывались усердием и ревностью явить себя достойными сынами его по всегдашнему попечению своему о введении и распространении просвещения в Крае сем“, — говорит, конечно, но без основания и не раз К. Россинский... Ведь кто, как не директор местной гимназии лучше может знать об отношении к образованию и, в частности, к его „опекаемой“ гимназии учеников, родителей и администрации местной, Войсковой, и чуждой — Петроградской? Вернее можно предполагать, что гимназию закрыли из за „декабристов“, хотя и прямых доказательств на это не имеется. Есть небольшое указание на то, что в В. гимназии преподавал гимнастику офицер, переведенный на Кавказ (что в то время считалось большим понижением по службе) за участие в „декабрьском бунте“. Каким то образом слух об этом дошел до Николая I и он в отместку крамольному училищному начальству „Высочайше повелеть соизволил“ закрыть В. гимназию на веки вечные — т. е. навсегда. (С. Кавказская Кооперация № 112—26 г.).

В Екатеринодаре среднее учебное заведение отсутствовало почти 21 год. Правда, за это время по станицам были открыты ряд школ: в Брюховецкой, Старо-Минской, Елизаветинской, Старо-Нижестеблиевской, Батуринской, а в городе Ставрополе-Кавказском даже гимназия, вскоре закрытая. Но все же удар по Черноморцам был очень силен и дело просвещения и образования там на многие годы почти замерло.

Свыше двадцати лет пришлось хлопотать Черноморцам о вторичном открытии гимназии. Есть воспоминания горца Сефербей-Ииезухова, в которых он пишет, что гимназия, открытая в составе 4 классов в г. Екатеринодаре, предназначалась для черкесов. Император Николай I, раздраженный постоянными нападениями французских и английских газет и журналов на его бессмысленную, жестокую, ничем не оправдываемую политику уничтожения культуры и самих различных племен, населявших Кавказ и Казацки Земли, решил хоть немного оправдаться в глазах иностранцев. Для этой цели и была вновь в 1851 г. открыта гимназия.

Что же касается прохождения курса гимназических наук, то он был переработан и значительно изменен. Количество гуманитарных наук сокращено и вообще часы их преподавания уменьшены до минимума. К гимназическому курсу Екатеринодарской гимназии нашли необходимым добавить преподавание арабского, черкесского и армянского языков. Так как в то время черкесы не имели своей азбуки, то приходилось учиться читать по черкески арабским алфавитом, самим по себе весьма запутанным и очень трудным (в египетском Канре арабский язык изучают по 10 лет и все же студенты не могут правильно и бегло читать тексты). Преподавание армянского языка вскоре было

прекращено. Учителем черкесского языка сперва был мулла, а затем офицер-черкес.

Войсковая гимназия просуществовала до 80 годов и успела дать ряд выпусков. Этим гимназия сыграла крупную роль в деле образования и просвещения на Кубани.

Над В. гимназией тяготел какой то злой рок: Только что успела как следует обосноваться она в г. Екатеринодаре, как вскоре по вступлении на престол Александра III она была вновь закрыта. Правда, впоследствии, целый ряд лиц начал усиленно хлопотать перед далеким Петроградом об открытии хотя бы в других городах Кубани каких либо училищ, если нельзя иметь в столице богатой Кубани — г. Екатеринодаре — очага культуры — гимназии. Быв. российское правительство долго отказывало всяким ходатайствам, но, наконец, решилось и открыло в г. Ставрополе-Кавказском нечто в роде юнкерской школы, куда принимались грамотные урядники. (Между прочим, эту школу окончил наш б. Наказный Атаман ген. Бабич, в 1918 г. убитый большевиками в г. Кисловодске). Спустя некоторое время в том же городе Ставрополе была открыта духовная семинария и мужская гимназия. Городу Ейску посчастливилось и туда и была переведена на „постоянное пребывание“ — Черноморская В. гимназия. В указе о переводе гимназии говорится, что она „переносит свое действие“ из маляринного Екатеринодара в г. Ейск, с целебным, морским климатом.

Во время войны Казачества с красной Москвой за свою независимость, я несколько раз бывал в г. Ейске и мне там показывали непривлекательное, казенной постройки здание, — бывшей Войсковой гимназии...

Эпоха военных реформ Европы, заставила „подтянуться“ и Россию. После русско-турецкой войны, к офицерам русской армии стали предъявляться более повышенные требования об образовании. В России открылся ряд военных училищ, куда стали попадать лишь с законченным средним образованием; „хорошо грамотные“ урядники и ефрейторы стали уже отживать свой век, в смысле главного контингента юнкерских школ...

В г. Екатеринодаре р. правительство решено было открыть такое училище, чтобы питомцы по окончании его шли не в „зловредный“ университет, а исключительно в военные школы. С этой целью в 1884 г. была сделана попытка в виде открытия гимназии с „реальным преподаванием учебных предметов“, а в 1888 г. последовало открытие шестиклассного (впоследствии был прибавлен еще один класс, седьмой — дополнительный) Кубанского Александровского реального училища. После его открытия, в г. Ейске В. гимназия была закрыта. Можно считать, что реальное училище является продолжением традиций В. Черноморской гимназии.

Первым директором р. правительство назначило д. ст. с. Спиридона Дмитриевича Дивари. Я помню как этого директора ненавидели решительно все ученики. Дивари требовал, чтобы его называли все без исключения „Ваше превосходительство“ и когда он проходил по длинным училищным коридорам, все должно было стоять „смирно“ на вытяжку! Сколько жизней молодых казачат покaleчил „этот человек в виц-мундире“. Директором реального училища он был очень долго, и должен был уйти после известного в 1904 г. бунта старших классов этого училища. На его место приехал К. Н. Шульгин, мягкий, деликатный, интеллигентный, он казался полной противоположностью Дивари. Его

тактичность много помогла, пожалуй даже спасла аттестаты целого ряда реалистов в бурные 1904—1906 годы.

Уход Шульгина с поста директора искренно огорчил как реалистов, так и преподавателей и воспитателей. Инспектор классов при Дивари был Яцук, впоследствии переведенный в 1 городскую „Климовскую“ гимназию. На должность инспектора вступил Л. Я. Семенов. На своей должности он пробыл не долго и сдал ее своему преемнику, известному кубановеду и писателю С. И. Борчевскому, который внес в жизнь школы новые приемы преподавания и экскурсии т. н. „краеведческие“.

После отъезда К. Н. Шульгина в С. П. Б., на его место был приглашен казак, большой любитель и знаток Кубанского Края Влад. В. Скидан. Благодаря его неугасаемой энергии жизнь училища изменилась значительно к лучшему. Пансионеры оказались лучше одетыми, эконо́м — Рогачев, значительно улучшил стол для учеников. Удалось достать средства и пристроить два крыла к главному корпусу здания. В этих крыльях поместились особый гимнастический зал, специальный рисовальный класс и ряд других классов из за недостатка помещения „ютившихся“ в актовом зале.

Самое главное для нас, реалистов, было то, что реальное училище начало мало по малу терять вид какого то тюремного здания. На окнах в классах появились цветы, на стенах коридоров целый ряд картин и фоторафий под стеклом, чего, конечно, и быть не могло при „строгом“ — Дивари: эти картины были бы тотчас уничтожены реалистами...

Кстати сказать, физический кабинет реального училища, в особенности когда им стал заведывать В. Ф. Миловидов, или как называли его реалисты „дед“, стал одним из лучших на С. Кавказе.

В 1906 г. реальное училище приобрело здание Александро-Невского братства на углу Рашилевской и Гимназической и, таким образом, оно оказалось владельцем непрерывающейся земельной площади, выходящей на 4 улицы: Красную, Соборную, Рашилевскую и Гимназическую. По инициативе В. Скидана были построены и заарендованы персам, два киоска на Красной ул., „арендные“ деньги шли для уплаты за правоучение беднейших реалистов.

В 1911 г. совершилась большая реформа реального училища: в него перестали принимать иногородних (с открытием для них 2 реального училища) и оно стало вполне казачьим, не только по форме реалистов (красно-оранжевый околыш на фуражке и черная черкеска по праздникам), но и в действительности.

Во время борьбы Казачества за свою независимость 6 и 7 классы целиком ушли на противобольшевицкий фронт, получили ряд боевых отличий и уже хорунжими и сотниками кончали в 1920 г. школу.

Мои заметки о реальном училище мне хочется еще дополнить фамилиями учивших меня преподавателей: С особую любовью и благодарностью я вспоминаю отца Григория Виноградова, преподавателей: Горбунова, Талицкого, Курочкина, Герлаха, Праневского, Юкова, Гусника, Миловидова, Чернака, Рейснера, Иванова, Селецкого, Олимпиади, Билого, Ждан-Пушкина, воспитателей Волошина и Неметти, а также престарелого швейцара — Никиту и всех тех, кто помогал реальному училищу стать твердо на ноги и своими выпусками окончивших реалистов выковать еще одно звено культурного сближения Казачества с остальным цивилизованным миром.

Санжа Балыков.

Нечто о колониальной политике.

Одним из неприглядных явлений в жизни человеческого общества могут считаться колониационные стремления народов более сильных по отношению к народам более слабым. При чем, в зависимости от состояния уровня человеческой культуры в данную эпоху, вместе с общим видоизменением проявлений человека,

вместе с духовным прогрессом колонизирующих и колонизируемых, эти опыты беспрестанно видоизменялись и разнообразились. Так, например, когда умственное развитие человечества было первобытно, грубо, а следовательно и примитивны были его жизненные потребности и способы их удовлетворения, опыты колониза-

ций вероятно сводились к тому, что сильный, численностью или организованностью народ, под тем или иным предлогом, а может быть даже совсем без всяких предлогов, шел войной на малочисленного или слабого соседа, огнем и мечом покорял его, забирал все что нужно и можно брать, и проходил дальше, если успех обещал повторяться, или возвращался во свояси, а побежденный и разоренный народ зачастую предоставлялся собственной судьбе; он мог сравнительно спокойно приняться за налаживание взбудораженной жизни и восстановление хозяйства. Это, я бы назвал, первым звеном в цепи дальнейшего развития колониальной политики.

С течением времени такой способ использования плодов победоносных походов дополнился способом обложения покоренных народов регулярной данью (ценными предметами жизненного обихода, домашними животными и продуктами питания — мехами, лошадьми, хлебом, вином, медом, иногда и женщинами, а с возникновением денежной ценности и золотом и серебром). Это уже второй этап колониальной политики.

Чем дальше, эти взаимоотношения между покоренными и покорившими усложняются, к перечисленным видам материальной обязанности данников прибавляются случаи использования их как военной силы, т. е. покоренные, в случаях войн народа протектора, обязаны были поставлять известное число воинов. Вслед за этим начала практиковаться и присылка в колонии представителей колонизирующей нации в качестве местной административной власти. Зачастую эти представители в качестве охраны личной безопасности приводили с собой значительное количество своего войска. Это уже на современном языке называется оккупацией и являет собою третий этап в развитии способов использования колоний.

С развитием торговли и промышленности колонизованные страны и народы постепенно приобрели значение рынка для сбыта излишков предметов производства и местом добывания и вывоза сырья. Это, безусловно, новая, четвертая ступень колониальной политики.

С этого периода для стран с хорошо развитой промышленностью необходимость сырьевых колоний с потребляющим населением делается более осязательной и начинается период усиленного поиска путей и способов увеличения колониальных владений, а отсюда и колониальные конкуренции — борьба за рынки-государств колонизаторов. Как известно, открытие Америки произошло в порядке поисков нового торгового пути в Индию, так как появление на исторической арене Европы могущественного тогда турецкого народа закупило старый торговый путь в Аравию и Индию и поставило торговлю Европы с указанными странами в трудное положение.

С открытием Америки, которую сам Колумб почитал за Индию (и с этой уверенностью и умер), и приобретением испанцами новых, богатых и обширных колоний, откуда потекли в Испанию золото и серебро, начинается целый ряд исследований и открытий новых частей Америки и разных островов.

Особенно в этом отношении начинают соперничать испанцы и англичане за преобладание на море, а следовательно и за право и возможность еще больших исследований и колонизации частей новооткрытой Америки. Затем следует ряд колониальных соперничеств между Англией и Францией в Канаде и в Индии, между Англией и Голландией в Южной Африке. Все эти соперничества неизменно кончаются победой английской политики, а иногда и оружия.

Приблизительно к этому же времени новооткрытые земли-колонии находят новое применение: туда начинается переселение избытков населения с метрополии, а также принудительная высылка преступников. Например, население Австралийских колоний Англии долгое время преимущественно состояло из высланных туда преступных элементов. Само собой разумеется, что это новое явление в жизни колоний повело за собой и существенные изменения во взаимоотношениях колоний с властью метрополии, так как управление колониями с населением исключительно из покоренных туземцев

или таковыми же с населением из своих переселенцев должно было быть иным. Отсюда возникают разнообразные правовые нормы в положениях колоний. Это можно считать пятым этапом в развитии колониальной политики. Однако, наличия в колониях выходцев из метрополии, конечно, было бы не достаточно для радикальной перемены системы владения колониями, если не было бы на лицо другого, более значительного фактора, а именно: угрозы (при неудовлетворительных взаимоотношениях) отделения экономически и политически окрепших колоний и образования ими самостоятельных государств.

Особенную гибкость в этом отношении проявили англичане. Вообще из опытов всех стран, имеющих значительные колонии, самым интересным, достойным внимания и изучения может считаться развитие колониальной политики Англии. Англичане положили основу совершенно новой колониальной политики: они всемерно способствуют экономическому и культурному расцвету колоний, наглядно показывают им выгоду и безопасность для их национального и хозяйственного бытия от связи с Англией и вступают с колониями в чисто договорные отношения почти как с самостоятельным государством, что только укрепляет связь колонии с метрополией.

Британская империя, как известно, является одним из самых больших и затейливых государственных организмов мира. По разнообразию своих составных частей, как по населению, по цвету кожи и культурному уровню, так и по территории и климату, как по сложности взаимоотношения метрополии с колониями, так и по разности их экономического благосостояния, Великобритания наших дней действительно не знает государства себе равного. Если русские, не без гордости, не входя в сравнительную оценку благосостояния населения, любят говорить, что Россия — $\frac{1}{6}$ часть суши, то Англия занимает больше $\frac{1}{5}$ части ее. Население Британской империи больше 350 миллионов душ, т. е. больше $\frac{1}{6}$ части населения всего земного шара. Вот что пишет специалист, исследователь Мижуев: „Народы, населяющие Британскую империю, находятся в самых различных ступенях культурного развития; некоторые колонии организовали у себя политические и иные учреждения, каких придется долго еще ждать у себя дома самим англичанам. Британская империя не только есть сама по себе федерация — а федерация представляет, как известно, наиболее сложную форму политической организации — но в нее входят по меньшей мере две федерации — Канада и Соединенные штаты Австралии. Самое политическое устройство отдельных членов Британской империи в высшей степени разнообразно, как разнообразен и характер связи между метрополией и отдельными ее членами. В конституциях Австралийской и Канадской федерации столько же пунктов сходства, как пунктов расхождения и даже контраста. Столь же разнообразные параллели можно провести, например, между конституциями Новой Зеландии и Ньюфаундленда и т. д. Все это легко объясняется тем обстоятельством, что в каждом из названных конституций сказывался не нивелирующая или, так сказать, униформирующая рука правительства метрополии, а практический здравый смысл населения разных областей необъятной империи, населения, имеющего полную возможность приспособить свои учреждения к местным условиям и нуждам. История колониальной политики Англии заслуживает внимательного изучения между прочим и потому, что она сопровождалась в общем поразительными успешными результатами. Вступив на путь активной колониальной политики позднее других народов (португальцев, испанцев, французов и голландцев) она достигла наиболее замечательных и, повидимому, наиболее прочных результатов. Однако, в развитии колониального могущества Англии в течение XIX века нас занимает не столько поразительный территориальный рост колониальных владений Англии, сколько радикальная перемена во взаимных отношениях метрополии и ее колоний. Если прежде англичане, хотя все таки в меньшей степени, чем другие народы, грешили слишком эгоистическими взглядами на свои колонии, ценя их лишь постольку,

поскольку они приносили очевидные и чисто материальные выгоды метрополии, и относясь поэтому нетерпеливо ко всем попыткам самостоятельности — особенно торгово-промышленной самостоятельности — колоний, то теперь, наоборот, всякий, непредубежденный и достаточно осведомленный человек не может не удивляться крайнему долготерпению проявляемому англичанами в редких случаях возникновения разногласий между метрополией и самоуправляющимися колониями*.

Труд П. И. Мижужева, откуда приведена эта выдержка, издан в 1902 году и, следовательно, несколько устарел. Всем известно, как много утекло воды и как многое на свете с тех пор изменилось. Английская колониальная политика не стояла на месте: расширены местные права и возможность самостоятельности колоний, сделаны большие шаги в смысле уравнивания в правах перед законом жителей колоний — англичан и туземцев; сделано много по приобщению этих туземцев к культуре и цивилизации.

Колониальные достижения Англии приобретают острый интерес в связи с текущими событиями в Индии, куда, сейчас, то с равнодушным, то со злобным или насмешливым вниманием направлены взоры всего цивилизованного мира. Там, под знойным небом Индии, на фоне Голубых гор, по долине священного Ганга, по кривым улицам Бомбея, Пешевара, Джахарасана, между европейскими и индусскими „бангла“**, с сознанием своей правоты и моральной силы с одной стороны, с сознанием своего национального интереса и физической силы с другой, столкнулись два народа. Один — полуголый, босоногий, с горсточкой „кона“** в полуголодном желудке, с камнями и лопатами в руках, другой — вооруженный до зубов всеми видами современного оружия, упитанный „беконом“, богатый, одетый в сукно, кожу и сталь. День за днем, помимо воли

*) — хата.

**) тушенная чечевица с перцовым соусом.

сторон, несмотря на детское добродушие и мягкость одного, несмотря на прославленное хладнокровие, выдержку и гибкий политический разум другого, все сильнее и сильнее разгораются там страсти человеческие. Одни, под лозунгом пассивного сопротивления и бойкота английских товаров, ловят врагов, закидывают камнями, забивают лопатами и, облив керосином, жгут. Другие, под флагом сохранения спокойствия в Индии и защиты культуры дают залпы в толпу демонстрантов, заявляющих таким способом о своем недовольстве и о своем праве.

Культурный мир по разному относится к этому разыгрывающемуся акту в мировой истории народов. Одни, принимая за основу для выявления своего отношения к этому событию только моральный элемент, возмущаются деяниями англичан. Другие говорят, что ослабление Англии не в интересах России и потому цинично улюлюкают, строят рожи на индусов и всякими советами стараются помочь Англии в трудном деле.

Само собой разумеется, что в различном отношении мировой общественной совести к борьбе индусов ничего удивительного нет. Обыкновенно, в таких случаях люди, или общества однородно мыслящих людей, руководствуются тем, что бы они желали для себя в подобных случаях. Если я — представитель народа, интересы которого диктуют удержание в неволе или покорение другого народа, то сочувствую стороне себе подобной и наоборот, при чем, объективность подхода тут бывает исключена.

По моему, в данном вопросе, кроме моральной подкладки движения и собственного интереса, надо обратить внимание на возможность разумного, целесообразного подхода. Тут надо знать всю сложность вопроса Индийского освобождения и всю запутанность Англо-Индийского взаимоотношения, прежде чем становиться на определенную точку зрения.

(Окончание следует).

Козак Бидолага.

Джигитовка на Кубани.

(Ст. Кавказская).

В наше „беженское“ время это „туземное“ слово выговаривается одинаково на всех европейских языках. Кто первый из казаков за границу вновь оседлал коня и кто первым показал здесь иностранцам это обособленное казачье искусство-спорт на коне — я не знаю, но, начиная с майского выступления 1925 года казаков в Париже, — это, тогда громоздкое и пышно-нарядное дело, провалившись в Лондоне и расколовшись на мелкие частицы — веером раскатилось по всему миру и заставило говорить о казаках, об их несравненном удалстве на лошади, всю иностранную печать.

Как-же зарождалось это удалство в казачестве?..

Сплошь „служилое сословие“ последнего столетия, где не было ни одного семейства, в котором бы мужчина не соприкасался-бы с военною службою или с обязательными лагерными сборами и др. полувоенными повинностями в общей казачьей станичной жизни и где в каждом доме, в силу этой обособленной жизни были — и седло, и бурочка, и шашечка, и кинжал, и коник строевой, и где все это хранилось как зеница ока и на что затрачивалось не мало денег из скудных семейных сбережений...

С малых лет подросток видел отца, брата, соседа, родича и др. казаков, ежегодно отбывающих „станичные занятия“, лагерные сборы, всевозможные смотры, станичные парады и особенно проводы на службу, когда поднималась абсолютная вся станица „провождать в дальнюю дороженьку“ своих „малолетков“.

А это всеобщее гарцование казаков всех возрастов на пасяницу... А призовые скачки и джигитовка на Пасху...

А за ними — станичная слава первым джигитам, переходящая из поколения в поколение, горделивое ще-

гольство в ценных призовых часах и кинжалах „под серебром“, почет от стариков, „лукавое“ внимание „казачек“,*) уважение от сверстников, а в будущем — прямая возможность попасть в „учебную“, заслужить урядника, почетная папаха с галунами, новые сладкие переживания по возвращении на льготу, а там, к зрелым годам, смотришь — и в станичные атаманы выберут, — новый почет, слава, „кирпичный дом“, увеличивающееся хозяйство...

Такая психическая атмосфера, естественно, не могла не действовать на воображение казачат-подростков.

На постоянных пастбищах, гоняя с соседскими целыми „косяк“ коней из дому и домой, на водопой и с водопоя и в завтрак, и в обед, и в полдень, и при каждом удобном случае всегда верхом на лошади, да еще „охлюпью“ — в казаченке невольно вырабатывалась крепость к седлу, сноровка, увертливость на лошади и, в силу необходимости, а еще больше — в силу бесконечного желания стать обязательно „первым наездником“ в будущем... А иногда, по осени, когда бывает так мало работ — тайком от старших, заседлав дедовским потрепанным седлом одного из любимцев упряжных, — где ибудь меж гумнами изощряется „молодой джигит“ в подражании старшим до тех пор, пока не угоняет до третьего пота и себя и коня и пока не оборвет полы бешметика или не раздерет „матню“ в штанах... до очкура.

А родовитые джигиты, чтобы не уронить семейную славу, не утратить первенства отцовского — те, оседлав двух коней, и выехав „на-выгон“ — с места пускают их в карьер по необъятному простору, поддерживая за пөвод и талию растерявшегося мальченка... Этот способ „учения“, испытав на себе, нахожу наилучшим.

*) На Кубани „казачка“ то, что у донцов жалмерка

Первая проба на людях и „фастовство“ подростков — это на маслянице.

В воздухе чувствуется весенняя теплота. Снег уж сходит, а в иные годы, на выгоне, уже и суховато; и даже травка зеленеет на солнышке.

Вот в эти-то дни, в дни широкой масляницы, а в особенности в ее последние три дня — кто только не выезжает на улицу погарцевать?...

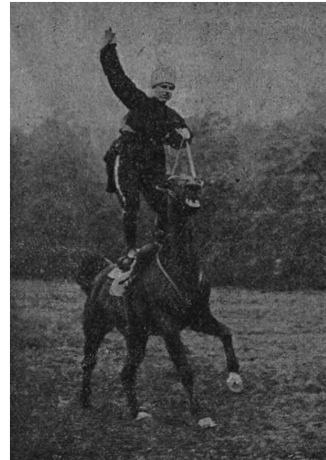
Старые отслужившиеся казаки, большею частью урядники, „чертом“ заломив папаху с галунами, в черных кашмировых бешметах, с плетью за поясом „для украшения“, затянутые „серебряными поясами“, с массивными цепочками на груди призовых часов, на своих долгих испытанных „строевых“, в настоящих седлах с прибором сыромятого ремня и с сохранившимся в порядке и чистоте металлическим набором — они важно и с достоинством, маленькими группами, только флангируют по многолюдным от праздничного люда улицам. Иль остановившись где-либо на углу, склонившись к луке, иль небрежно перекинув ногу на шею своего коня — наблюдают беспорядочную скачку младших, перебрасываясь между собою редкими замечаниями. Джигитовать самим им считается уже неприличным. Они „льготные“ старые казаки, у них уже взрослые детишки, им уже лет не меньше как 26-ть...

Известно, в станице возраст этот считается солидным...

Казачата подготовительного разряда, еще не окрепшие в седле, но уже принимающие должный вид, на своих полувыезжанных „строевых“ также в бешметиках, но разных цветов, с плетью в руках (т. к. не знает куда девать правую „руку“) — они ватагами нервно снуют по улицам, останавливаются где-либо в людных местах и сами по-себе начинают джигитовку. Весь день, весь „цимес“ скачек, полною долею, по традиции, должен принадлежать им. Здесь они уже показывают народу, что дало им станичное „занятие“ зимою и кто из них может быть „первым“ в майских лагерях. До надрыва, до изнеможения делают они прыжки на обе стороны и поднимают расставленные папахи... А возле духанов, где обычно бывают в эти дни завсегда из стариков — за какие-нибудь „2 копейки“, поставленные ребром у камешка — бьется молодежь до остервенения, чтобы горстью схватить этот грош... И все зачем? Не важен „грош“, а — слава: „даже 2 копейки схватил с земли“, будут потом говорить в станице; вот в чем важность...

А за „малолетками“ — сплошная мелкота, сплошь школьники, на допотопных седлах с одною подпругою,

„охлюпью“ иль с постельною подушкою, перехваченною чересседельником, на домашних клячах, цыганским беспорядком, стаями, разбалтывая ногами в мах лошади и беспомощно болтая руками, кто в чем попал, с хворостинками, но обязательно в казачьих шапченках — они с детским безразличием тянутся за старшими... Они не джигитуют, а только присутствуют и смотрят, иль скачут на „чья возьмет“. И все это по улицам, больше по „Красной“ (главная станичная улица), где по тротуарам толпы нарядных нарумяненных и завитых казачек-девушек и „молодаек“,*) лускающих семечки и кокетничающих перед молодцами...

Кругом крики, гик, смех, визг девчат... это-ли не счастье, побывать здесь каждому подростку на лошади, да м. б. еще и показать себя не хуже старшего?!...

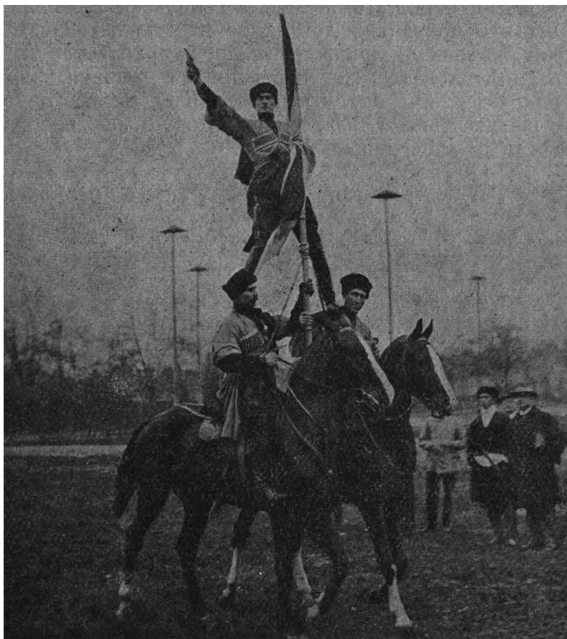
А там, через 2 месяца, на Святую Пасху — уже и настоящие, серьезные скачки, на призы, перед всем людом, перед начальством.

За станицею, „на-выгоне“, плугом опаживается круг протяжением в 2 версты. Это для подростков. К назначенному дню (обыкновенно это 2-й или 3-й день Св. Пасхи), с ближайших станиц с'езжаются подающие надежды малолетки и все подростки от 8 до 17-ти лет, кто записан на скачки на своих лошадях. Заранее заготавливаются ценные призы, начинающиеся со сплошь серебряного кинжала с поясом, серебряных часов и даже всевозможными отдельными вещами из конской строевой сбруи и всего того, что так или иначе казаку пригодится для службы, чего ему уж не придется покупать и что никогда не бракуется на всех смотрях, избывающих всю казачью службу почти до 40-летнего возраста. Этот день бывает торжественным и радостным. Всяк хочет попасть на него. Подростки, обязательно в бешметиках, и в папахах, на приличных седлах, достаточно приличных лошадях, порою на „строевых“ отцовских иль братовых (посторонних людей лошади не допускались), замирающие от счастья — они об'езжают круг, „пробуют“ лошадей на намете, иль на скоротечном карьере, забиваемые советами отца, брата, родича — какой стороны держаться и когда пустить коня „во всю“ — они ждут и не дождутся так желанного начала...

Насколько велико желание участвовать в скачках не только со стороны подростков, но и со стороны родителей, что малышам лет в 8, чтобы они не сорвались на карьере — подвязывают ноги к стременам, пропустив запасный ремень под брюхом лошади. Мера, должен сказать, и не умная и опасная, если седло, паке чаяния, свернется на бок.

Разделив всех на партии по возрасту и по очереди выстроив каждую в длинную шеренгу — с рыси пускают „в — карьер“.

*) На Кубани „молодайка“ — девушка, не более года тому назад вышедшая замуж, но обязательно за казака.

Забыты все „советы“ отца, когда пускать „во всю“ — детвора сразу берет лошадей в плети и — „пошла писать губерния“ — и смешная, и трогательная по своей наивности и непосредственности... Куча выпущенных коней постепенно вытягивается и уже на половине круга резко обозначается „чья возьмет“ и „чья нет“, т. к. системы в сбережении силы лошади никакой... И когда долетают первые — то потом еще дотелепкиваются разные и на разных аллюрах, вплоть до тех, кого занес конь куда-то далеко, далеко за круг и тех, кто свернул в круг и как „выбывший“, со смущенным видом, или с плачем, возвращается к месту исхода, ища „батю“...

Малолетки только джигитуют. На добрых конях, кои уже приготовлены для действительной службы, в черкесках и погонах, при полном холодном вооружении, строем, под командою своих инструкторов, — они проезжают шеренгами по улице, образовавшейся расчесенной толпою народа, мимо „офицерской палатки“, где широкой полосой сидит все льготное офицерство с семьями и Атаманом отдела во главе и, сделав резкий заезд на одном из флангов — быстро спешиваются, снимают оружие, подтыкивают полы черкесок, нахлобучивают на голове папахи, чтобы не сорвались во время работы (в Кавказском полку уронивший свою папаху — теряет приз) и — по „карьеру“ хора трубачей, молодые гибкие тела, полные безудержной отваги и влюбленности к делу, на быстроногих кабардинцах, с диким гиком для бодрости коня, не задерживаясь над седлом, как вихрь перелетая с одной стороны на другую, от края до края плаца, — режет воздух пылкий казачина...

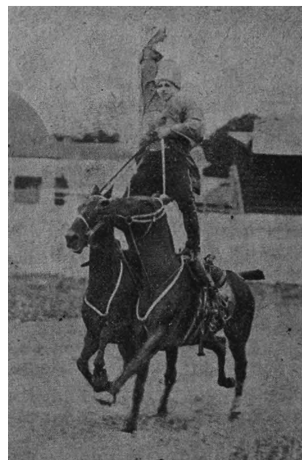
Папахи вряд 8 штук, на 25 шагов дистанции... Прильнув к луке, словно хищник, всем своим существом вшившись в лошадь и загибризовав ее в прямолинейности направления — с землею сгребет папаху молодец, тут же высоко подбросив ее вверх, как наглядный показатель четкости „хватки“...

А дальше, „вольная джигитовка“ — кто во что го-

разд: Стол на седле, вверх ногами, с шестом, задом наперед, отвалка, переметные сумы, турник... Безконечная стрельба, гик, топот, рев толпы...

Окончив — также быстро спешиваются, разбирают оружие, охорашиваются, приводя себя в строевой порядок и — ровным шагом, спокойно „идут“ шеренгою верховых к офицерской палатке. Здесь уже подсчитаны „баллы“...

Толпа густым кольцом давит верховых... Всяк хочет протиснуться вперед и воочию посмотреть на „раздачу призов“, на „первых наездников“. Станичные Атаманы в длинных черкесках, серьезные и бородатые, томительно выжидают у палатки... Старики, нервно и сосредоточено вперили свои взоры туда же, ждут... Весь гвоздь дела, нерв, год подготовки — там, в середине палатки... Вот выносят стол и на нем, на ярком весеннем солнце, заманчиво поблескивают ценные дары для удалцов... Все замирает. Офицер, заведывающий всеми малолетками, вызывает по очереди отличившихся. Разгоряченные, подтянутые, в шапочках сдвинутых на затылок, в мятых наговицах, стараясь щеголять еще не окрепшей отчетливостью, молодые и полные сил и желаний — проходит ряд молодец к Атаману отдела и из рук его получают драгоценную память. Хор ревет „туш“, а позади — их качают „на ура“, намекая на „могорыч“...

„Раздача“ заканчивается широким залихватским „казачком“ и народ, утомленный и выпивший всю сладость казачьего праздника до дна, — на всевозможных подводах, линейках, тачанках весело направляется во свои „полудновать“, а „чужестранные“ казачки, в конном строю с песнями едут в свои станицы, делясь радостями, впечатлениями и критикуя кажущуюся несправедливость раздачи призов...

*) „Чужестранные“ — т. е. — другой станицы.

Вл. Куртин.

Крым — Далмация.

(Записки).

С тех пор, как я приехал в Феодосию, меня мучит тоска. Острыми когтями вцепилась она в сердце, присосалась к нему, будто скользкая пьювка, и неуморно высасывает из него последнее, что еще у меня осталось — терпение.

Места себе не находишь. Тоска, мучительная, гнетущая тоска не дает мне покоя и из маленькой конуры моей гонит на улицу, с улицы опять в конуру, и опять на улицу... И некуда мне уйти от этой тоски, от этой вымучившей всю душу кровавой бестолковщины. А здесь, на маленьком клочке русской земли, „свободной“ от русских большевиков (русского большинства),

эта бестолковщина так трагически ясна, что не только жертвенного порыва, но и простого самообмана из себя не выжмешь. Кубань пожертвовала слишком многим и порыв ее длился слишком долго... Всему есть границы. И казачество оказалось по ту сторону границы своего истощения. И физического и духовного. Здесь мы уже на чужой земле и делаем чужое дело, которое, вероятно, и самому хозяину полуострова кажется не делом, а именно кровавой бестолковщиной.

Осенний нордост (северо-восточный ветер) вздымает облака пыли, бьет ее в лицо, протискивает ее и

сквозь плотно стиснутые губы... Пыль скрипит на зубах, точит в горле... И от этого голод дает себя знать еще чувствительнее... Подхожу к булочной, где выпекались булочки величиною с детский кулачек и ценою в 500 рублей для г.г. военных и 600 для „штатских“. Булочная осаждается толпой человек в сто и протиснуться к прилавку нет никакой возможности. Постоял, постоял, махнул безнадежно рукой и побрел в свою конуру на окраине форштадта.

В маленькой, низкой комнатухе, настолько низкой, что ходить в ней можно лишь перегнувшись вдвое, кроме меня живут еще два офицера: есаул Б. и Войсковой Старшина С. Собственно говоря, это их комната. Они наняли ее и платят 20.000 рублей в месяц. Я живу здесь „временно“ до подыскания себе отдельной комнаты. Увы, свободную комнату найти в Феодосии было так-же невозможно, как невозможно было на офицерское жалованье обедать хотя-бы через день. А по реквизиции я числился 547-м „на очереди“.

В комнате холодно, неуютно. Вчера Войсковой Старшина С. купил за 4.000 рублей пуд сырых дров; вчера же оне и сгорели. А сжигать по 4.000 каждый день могли только спекулянты.

Хочет спекулировать и Войсковой Старшина, да все как-то не удаются его спекуляции. Купил он на 65.000 рублей табаку и папирос по фабричным ценам и хотел перепродать его с барышом „не менее 50%“. Но, сколько ни ходил на „биржу“, сколько ни заводил знакомств со всемогущими жидками, последние о таком мелком деле не хотели и говорить. И табак и папиросы мы покурили сами. Теперь он мечтает заработать на спирте. Барыш уже высчитан с точностью до рубля. Деньги заняты у ростовщика караима, а спирт находится у матросов на пароходе „Харакс“. Вся задача состоит в том, чтобы пронести спирт через портовые заставы, не дав солдатам взятки. Со взяткой это было бы легко, но Войсковой Старшина не хочет унижаться до сделок с солдатами. И вот прошло уже больше недели, как он каждый вечер уходит на пристань с пустой четвертной бутылкой под буркою и возвращается перед зарей с... той-же пустой четвертной бутылкой под буркою. А деньги караима как-то катастрофически скоро улечуваются из бумажника и чем он будет с ним расплачиваться — неизвестно.

При самой скромной жизни (т. е. полуголодной), офицерского жалованья хватало самое многое на две недели. Другие две недели, до нового жалованья, офицеры пробивались продажей вещей, мелкой спекуляцией, или „сокращались“ до полной голодовки.

У нас продавать уже было нечего. Все, что можно было продать — было продано и в данное время наше имущество составляло лишь то, что было на нас. Нижнее белье мы сами стирали в море. Питались камсой и чаем. Чай пили с сахарином, цена на который поднялась до 15.000 рублей за 100 штук таблеток. Хлеб получали из батальона по 120 руб. за фунт.

Жили мы ожиданием отправки на фронт. Биться „за Русь святую“. Спали в том, в чем ходили. Ютились по конуркам, в коридорах и кладовых „буржуйских“ квартир. Или в „общешитях“, т. е. в пустых складах и амбарах на пристани, или просто под навесами. Спали, не раздеваясь, на голом, грязном полу; на этом же полу проводили и весь свой день, если не были заняты службой или не бродили бесцельно по городу. Общежития кишели паразитами, являясь очагами всевозможных заразных болезней.

В такой обстановке жили офицеры, три четверти коих были полные инвалиды или полувалиды. Чем мы жили, на что надеялись? В Крыму мы не жили, а просто: бы ли. И никакими надеждами себя не обманывали. Слыхом хорошо знали „положение дел“ на фронте и „дела“ в тылу... Слишком хорошо знали „Россию...“ От Дона до Орла и от Орла до Дона... И слышном еще свежа была в памяти Черноморская трагедия.

Пробивались с Кавказа беглецы на скунах и лодках. Рассказывали о восстаниях. Но восстания уже не воспалили фантазию, не поддерживали волю. Ведь почти каждый из нас был участником таких восстаний-вспышек...

6 октября в Феодосию прибыл первый транспорт с

больными и ранеными казаками армии генерала Фостикова. Прибыл и транспорт „релатриантов“ с Принцевых островов. Спустя несколько дней, прибыл и сам генерал Фостиков с боевыми частями.

По внешнему виду это были не люди, а тени. „Боевые“ тени бывших боевых частей. Многие казаки с семьями. Много „семей“ без отцов. А порядочно и детей без отцов и „семей“...

Высадившись с парохода и расположившись на пристани под леденящим нордостом, казаки сейчас-же запели песни: то веселую, залихватскую, с выкриками и подсвистываньем, слушая которую не верилось, что это поют больные, голодные, изнуренные до предела люди, то грустную, грустную, как сама действительность.

Вот они стоят нестройно толпою, покрытые жалкими лохмотьями, почти все босые и поют, точно плачут, старую казачью песню:

— Ревуть стогнуть, гори-хвилі

В синесинькім морі, —

Плачуть, тужать козаченькі

В турецькій неволі...

Эта песня оборванных казаков на пристани чужого города напомнила мне времена далекой старины, когда в этой же самой Феодосии, а тогда Каффе, такие-же голодные, такие-же оборванные наши предки плакали невольничьим плачем о своей ридной Украине... „Світе тихий, краю милий...“

— Только теперь нет у нас края милого...

— Кубані вже нема, кажуть козаки. Її заповонив москаль. А наших батьків та дідів перегнав десь на північ, у Росію...

Частям этим не дали „отдохнуть“. Оне пошли на фронт — защищать русский Крым от русских большевиков.

...Убит Бабиев. Отслужили панихиду. Кой-кто из наших генералов вспомнул его „недобрым“ словом, как „зарвавшегося самостийника“.

Ясно представил себе широкоплечую, тонкую в талии, коренастую, чрезвычайно подвижную фигуру Бабиева.

— Ты уже не „затянешь“ первый:

Ты, Кубань, ты наша Родина...

И не закутись в лихой наурской между раздвинутыми столами Войскового Собрания...

Усиленно заговорили о „зимовке на укрепленном Перекопском перешейке“. А в эти „укрепления“ не верили даже те, кто их не видал. Кружились по городу и обычные слухи, что теперь де большевики не те, что они „эволюционируют“. „собирают Россию“ и т. п.

В Феодосии находилась Кубанская Рада. Здесь-же было и Правительство. А Атаманов у нас в это время было несколько и, в то-же время ни одного, признаваемого всеми кубанцами. Генерал Букретов, „сложивший“ с себя звание Атамана, жил в Тифлисе. Инженер Иванис, по конституции Кубани принявший булаву от ген. Букретова, спрятав булаву в чемодан, разгуливал по Грузии, делал визиты Крыму и не хотел и слушать Раду, требовавшую от него булаву. Генерал Улагай упорно отказывался от Атаманства, а временно обязанности Атамана исполнял молодой полковник Вишиков, министр внутренних дел. Феодосийская Рада представляла собою часть Рады Екатериновдарской. Еще одна Рада была в Грузии...

Председатель Феодосийской Рады, Фендриков, организовывал „здоровое ядро“. Тимошенко заключал союзы с Грузией, Азейрбеджаном, Арменией. Иванис через Игната Билого искал новых союзников на Западе...

Все это друг друга не признавало, изобличало... Все были верными сынами Кубани, а Кубань оставалась под торжествующим хамом.

Члены Феодосийской Рады почти каждый вечер собирались у Фендрикова. Заседания носили „неофициальный“ характер, т. к., никогда не было достаточного для кворума числа депутатов. Интеллигентных сил между депутатами было мало. Старики казаки, при всей их доброй воле, не могли оказать Фендрикову существенной поддержки. И потому все его начинания „организовать Кубанский тыл, достойный Кубанского фронта“, оканчивались ничем.

Кубанцы „беженцы“ (старика, женщины и дети) жили в ужасающих условиях: босые, голодные, оборванные. В Феодосии я встречал знакомых, некогда богатых, известных далеко за пределами Кубани людей, в таком рубище и в таком состоянии, что и армянские беженцы, которых мне приходилось видеть на турецком фронте, в сравнении с ними были богатыми дяди. Кубанские офицеры были голы и босы, как и „беженцы“, а получить что-либо из интендантства было абсолютно не возможно.

На днях с Кавказа прибыл парусник с десятком офицеров-кубанцев. Между ними был сотник П., который, перед тем как убежать в Крым, прожил несколько месяцев в горах чисто звериной жизнью. Верхняя „одежда“ этого сотника была сшита проволокой из разноцветных овчин, кожи, бурки, куска ковра... Ноги обмотаны тряпками и стянуты проволокой. Нижнего белья вообще не было. Бедняга обошел все интендантские склады, все лазареты, прося хоть какую-нибудь одежду, но — ничего не добился. И так и на Лемнос приехал готовым Робинзоном.

28 октября 1920 года. Вечером этого столь памятного для меня дня (да и только ли для меня?) я сидел в своей комнатухе и грел в котелке чай (дрова украли у хозяйки). Чай уже закипал. Уже весело и шустро забегали маленькие пузырьки пара, все чаще и чаще лопааясь и наполняя комнатуху тихим уютным шипением. Я сидел перед чугунком, смотрел на лопающиеся пузырьки пара, а мысли мои были далеко, далеко... там, в родной станице, где хозяйничают ныне „большевики“ и где остались мои дорогие старики одинокие, беспомощные. Живы ли они? Не выгнали-ли их вечно жадные на Кубань покрасневшие русские черносотенцы? Кто живет ныне в моей комнате? Сидит за моим столом, расхищает или просто расбрасывает книги из моей библиотеки? Я вспоминаю малейшие подробности нашего дома, комнаты, обстановку... Вижу все бесделушки на „комоде“. Вижу каждое деревцо в садике и во дворе, так любовно выращенные отцом. Вспоминаю наши тихие вечера. Представляю все так ярко, живо, что на глазах навертываются слезы... Я вижу нашу чистенькую, маленькую столовую; на небольшом обеденном столе, застланном белую, с разводами по средине скатертью, стоит блестящий никелевый самовар, наполняющий комнату мыльм, разноглосьм шипением. Стаканы, молочник, вазочки с вареньем покрыты белоснежной шуршащей салфеткою... За столом сидит отец и читает вслух „Жизнь Иисуса“, Ренана. Это его любимая книга. Он дальновзорок и, потому читает держа книгу далеко от себя, под самым абажуром лампы. У плиты сидит мать. Слушает внятное, раздельное чтение отца. А может быть думает свои думы... А в руках у нее неуморно бегут вязальные иглы. Это она вяжет мне теплые чулки...

Я не заметил когда вошли в комнату мои приятели...

— Собирайся... Перекоп пал... Началась эвакуация...

Как ни предчувствовал я эту неизбежную „эвакуацию“, все-же она поразила меня своей страшной реальностью. Точно кто ударил меня по голове. Точно что-то жесткое, рвущее впилось в сердце и оно заняло мучительной болью... Закружилось все. Поплыло перед глазами. Где-то далеко шипит чайник и все удаляется, удаляется...

Но, какая эвакуация? Куда? На чем?... Приятели мои уже собрались. Я стою, бессмысленно смотрю на свои жалкие вещички... Какие оне вдруг стали ненужные!.. Все равно — конец! Всею конец...

— Но кто вам сказал это?

— Марья Дмитриевна! (Жена одного интендантского чиновника).

Крадучись, вышли на улицу, чтобы избежать объяснений с хозяйкою и караимом, занявшим нам деньги.

Я направился к Фендрикову. Думал от него узнать подробности.

Темными, кривыми улочками спускался я с Митридата и, хотя в городе ничто еще не выдавало совершившегося, мне все в нем казалось подозрительным: торопливо перебежавшая улицу баба, казалось, спешила разнести своим кумушкам радостную для них весть

об уходе „кадетов“, притаившиеся хибарки форштада, казалось, были пусты, а их обитатели уже где-нибудь собрались, приготовились, чтобы в момент нашего ухода жадной сворою наброситься на „буржуйские“ кварталы или казенные склады; или-же кинуться по лазаретам добывать наших раненых.

У Фендрикова я застал генерала Попова, Д. Скобцова и Н. Николаева. Все „сильные“ мира Кубани. Они еще ничего не знали (а Марья Дмитриевна знала!). К моему сообщению отнеслись недоверчиво и продолжали мирное чаепитие. Ген. Попов писал по-английски какие то удостоверения: он собирался в Грузию за булавой. После чая ген. Попов пошел в Штаб. Мы, трое, остались ночевать у Фендрикова. Заснул я быстро. Сквозь сон слышал как говорил что-то вернувшийся ген. Попов. О чем-то спорили...

Проснулся рано. Вышел на улицу. По улице, по направлению к пристани, шли одиночные казаки с суммами и седлами, пробегали торопливо офицеры. Очевидно, ночью роковая весть стала известна всем.

За мной зашел есаул Б. и мы вместе отправились на пристань. На Итальянской улице подготовка к „эвакуации“ была заметнее: тянулись казенные фургоны и городские платформы, между ними втискивались извозчики дрожки. На подвоях нагромождены всевозможные вещи, на вещах сидят женщины и дети. Из магазинов выносятся товары. Стоят толпы обывателей, возбужденно спорящих или таинственно перешептывающихся... У ворот к пристани уже образовались заторы. Определенного никто ничего не знал. В штабе батальона офицеры получали жалованье. Но так как в Крыму получка жалования была сопряжена с непреодолимыми формальностями, разобраться в которых не могли и сами творцы этих формальностей, то большая часть офицеров, в том числе и я, „жалованье“ свое получили лишь на Лемносе, когда „комса“ (500 рублевки) и „колокола“ употреблялись только в известных случаях... А как тогда пригодилось бы этих 50—60 тысяч рублей! По крайней мере каждый мог-бы купить себе на 5—6 дней харчей.

В это время в Феодосийском порту стояли следующие пароходы: „Дон“, „Корнилов“, „Владимир“, „Петр Регир“, американский пароход „Faraby“, груженный ячменем, и один американский миноносец. Более мелких судов не помню.

Весь день, 29 октября, шла погрузка. Все, кто не хотел оставаться у большевиков, спешили на пристань, к пароходам.

Давка на пристани стояла невообразимая. К вечеру „Владимир“, на который грузились и наш батальон, был уже полон. Уже во всех трюмах и на палубе плотно массою сгрудились люди, ставшие с этого момента уже не людьми, а „беженцами“. На этот-же пароход должны были грузиться и части Кубанского конного корпуса. Где он был в данный момент, мы не знали.

Около 7 часов вечера по пароходу пронесся слух, что большевики разбиты, Перекоп взят обратно, взято 100.000 пленных, что эвакуация отменяется. (Про 100.000 пленных говорили и даже писали и за 3—4 дня до эвакуации). Кой-где раздалось жидкое „ура“, послышались отдельные выкрики: — „Слезайте!“ „По квартирам!“ Однако, слезать не спешили. Но вскоре последовали более убедительные приказания комендантских команд, и население парохода, покоряясь силе, начало мало по малу очищать палубу, а потом и трюмы. Негодовали, ругались, но от парохода не отходили. А „расхотиться по квартирам“ никому и в голову не приходило. Знали отлично, что если в первый момент не попадешь на пароход, то — ожидай „на квартире“ новых хозяев. Никто не знал где они в данный момент находятся и, потому, ожидали их каждую минуту.

Всю ночь дул леденящий нордост. Всю ночь получались противоречивые приказания каким частям, в каком порядке и на какие пароходы грузиться. И всю ночь от парохода к пароходу бродили части, команды, служащие „казенных“ учреждений, а за ними и „частная публика“.

На другой день с утра опять началась погрузка. И опять „Владимир“ полезил все те, кто вчера с него были выворены силою. Ни о „Перекопе“, ни о „100.000

пленных“ уже не говорили. К 10 часам утра уже появились первые части Кубанского корпуса.

Погрузка шла медленно. Тысячи казаков толпились на пристани. У самих же пароходов творилось нечто неопишное, как будто в огромном котле кипела и бурлила масса из человеческих тел. Но были части, которые стояли неподвижным строем, ожидая своей очереди на погрузку. Эти части „расстроились“ лишь в последний момент, когда увидели, что пароходы собираются в море и без них. Тогда они не по трапу, а по борту, как муравьи, поползли на пароход, не обращая внимания на пулеметы, что были на пароходе направлены против них. А с севера подходили все новые и новые части. Бесконечными лентами втягивались обозы, совершенно запрудившие улицы города.

В первый же день „эвакуации“ в городе начались грабежи. Вчера грабители еще разгонялись караулами. Сегодня караулы уже были „беженцами“ и грабеж шел во всю. Грабили кто хотел и что хотел. На пароходы тащили консервы, ботинки, целые тюки шинелей, табак, бочки сельдей... Кто что захватил! Отнимали друг у друга более ценные вещи, вступали в драки. У большинства магазинов выбиты стекла, даже двери. Появились пьяные. В разных частях города вспыхивала стрельба. Ветер гонял по улицам тучи пыли, кружил выброшенными „делами“ различных канцелярий, взметал рассыпанную муку... В пыли ревели многотысячная толпа...

Поздно вечером в Сары-Челе, где были наши артиллерийские склады, начались взрывы. Весь город и порт осветились кроваво-багровым заревом... Казаки, как муравьи, лезли на пароход. Но уже видно было, что много их останется на „милость“ победителя. Ибо, если-бы здесь было не 4, а 14 пароходов, то и тогда бы они не забрали всех. Казаки, пустивши коней и держа в руках седла, мрачно смотрели на копошащихся на палубе счастливых. Между оставшимися казаками было много и офицеров.

Наконец, не задолго до рассвета, раздалась команда:

— Руби концы!

„Владимир“, стоявший все время на полных парах, быстро отошел на рейд. Вслед нам неслись мольбы и проклятия брошенных казаков... А могло быть и кое-что другое. И от гибели и тех, что были на пароходе, и тех, что остались, спасла дисциплинированность оставшихся.

Многие из них только несколько дней тому назад прибыли в Крым с Черноморского побережья; многие уже более года защищали его от красных; многие, пережив Новороссийский кошмар, остались на кошмар Феодосийский. Обреченные. Брошены. Первые почти три года были тараном, пробивавшим коммунистические стены по дороге к красной Москве. Устав и изверившись, они откатились к берегам Черного моря, очу-

тившись между морем и горами, между грузинами и красными. Докатались и стали в недоумении: что дальше то делать? „Делать“ уж как будто нечего. Куда еще идти? Идти некуда. За кем идти? Не за кем. Верить кому?... И верить некому. Бросили родные станции. Отступали, отступали... С Атаманом, Правительством, Радою... В песнях, относящихся к тому периоду есть такие места:

Зібралися всі козаки

У Чорного моря, —

Посідали на каміннях,

Заплакали з горя.

Посідали, та й журяться:

Що мають робити:

Чи казнити Правительство,

Чи ворогів бити?...

Некоторое время не делали ни того, ни другого. А потом решили „бить ворогів“. Да было уж поздно. Враг набрался силы. Под Армавиром, уступая уже силе, были разбиты сами. И опять откатились к Чорному морю:

— Кругом гори, ліси, плавні,

А в долині Сочі, —

Горе нашим козаченькам —

Вибились із мочі...

И, хочешь не хочешь, веришь — не веришь, пошли в Крым.

Вторые, в благородном „порыве“, наивном доверии — кровью своею зарабатывали будущее признание будущей Россией — прав и вольностей казачьих в границах... Войсковых Атаманов и Рад „образца 1905 года“.

А вот теперь:

— Руби концы!

Отрубили „концы“, уплыли в море, а они жуткой, одинокой кучкой прижались к морю...

И может быть уже сегодня придут опьяненные победой большевики...

Море сильно парило. Подернутый туманом, смутно виднелся город. Окружные горы, покрытые белым инеем, казались таинственными, таящими за своими вершинами банды „сборителей России“, еще не осмеливающихся ворваться в город.

Около 7 ч. утра „Владимир“ взял курс на юго-запад и пошел параллельно берегу. Скрылась Феодосия... Затопили небольшой буксирный пароход „Кавказ“... Скрылся Митридат. Справа показались высокие, скалистые горы Южного Крыма. Промаячил Айю-Даг. Блеснул сквозь холодный туман пик Ай-Петри. Около 4 ч. дня Крым скрылся. Кругом простиралось безбрежное, волнующееся море...

Прощай Крым!

Мы идем в темную, неизвестную даль...

(Продолжение следует).

Еф. Якименко.

Необходимое раз'яснение.

В номере 30 журнала „Часовой“, выход которого совпал как раз с 12 годовщиной боя под станцией Медведовской (на Кубани) напечатана статья шт. кап. Ларионова об этом событии. Прочитать статью г. Ларионова, посмотреть на обложку жутнала, — можно сделать, правда, некоторое представление той картины, каковая была в тот день, но представить ее во всей полноте нет возможности, ибо некоторые неточности, допущенные в статье г. Ларионова, лишают нас этой возможности.

Свои дополнительные раз'яснения, как участник этого боя, хочу начать с картинки, помещенной на обложке журнала. Тут видна самореклама, генерал Марков изображен в форменном пальто с черными петлицами Марковского полка, тогда как на самом деле, он носил простое темно-серого цвета пальто и на нем погоны. Ни блестящих пуговиц, ни петлиц не было, да и под пальто носил штатский костюм (однобортный пиджак, который был ему узок). На картинке ген. Марков

изображен с шашкой, которой он никогда в походе не носил, а также окружен офицерами в форме Марковского полка, что не отвечает действительности. В то время, т. е. весной 1918 г. еще не было Марковского полка, а посему не было и формы, полк назывался „офицерским“, даже без номера, и только много позже, когда на Дон пришел ген. Дроздовский со своим отрядом, то офицерский полк стал называться „1-й офицерский“, а впоследствии Марковским, а прибывший с ген. Дроздовским — „2-й офицерский“. Впереди броневика (паровоза) была платформа, на которой стояло два орудия. Это очень важное упущение в рисунке.

Бригада ген. Маркова состояла из двух полков: Кубанского стрелк. полка, укомплектованного преимущественно кубанскими офицерами и казаками. В этот полк входили: кубанские реалисты со своими преподавателями, Кубанско-Софийское у-ще, отряд Галаева и др. Второй полк, входивший в бригаду был офицерский, впоследствии Марковский.

В статье автор ни одним словом не обмолвился о доблести и храбрости кубанцев, и вообще казаков. Все сделали добровольцы...

„...Куда то в сгустившийся сумрак, прямо по целине пошла на рысях разношерстная конница ген. Эрдели...“ Так вот, эту „разношерстную“ конницу и составляли казаки и черкесы. Эта конница уже в темноте атаковывала красных, чем и уняла их пыл преследовать нас. Уже вытянувшись в колонну для похода, мы слышали „гики“, с которыми конница неслась на красных.

Броневой поезд, на станции Медведовской был атакован 2-м батальоном Кубанского стр. полка, автор же говорит о нем только как о „фигурах“, вынырнувших из темноты. Эти фигуры были чины 2 батальона Кубанского стр. полка.

Когда раздался голос ген. Маркова: „Вперед“, то бывший в непосредственной близости 2-й батальон стр. полка и ринулся на поезд. Живые участники этого дела, как В. Ст. Трипольский, под’ес. Селин и др., хорошо помнят момент, когда В. Ст. Трипольский с полусотней особенно храбрых юнкеров-казаков, в одно мгновение был на платформе... Тут же толково, с присутствием ему спокойствием и хладнокровием отдавая распоряжения, был и полков. Крыжановский — командир 2-го батальона (ген. В. И. Крыжановский в начале 1920 г. командовал корпусом и был зарулен красными между станциями Белая-Глина и Ея. Если мне память не изменяет, то это было 4 февр. 1920 года).

По статье г. Ларионова, дело ограничилось тем, что взяли броневик, перегрузили снаряды и... поехали. Дело было не совсем так. Ведь броневик то был атакован на довольно приличном расстоянии от станции (версты две), а станцию брать тоже пришлось. Ее то и взял офицерский полк.

Когда дело с ликвидацией броневика подходило к концу, то в направлении станции пулеметная стрельба страшно усилилась, т. к. со стороны Тимошевской подходили свежие силы красных, а также показались броневики. Возможно, что красная пехота была доставлена на броневиках. В сторону станции было отправлено подкрепление (5 и 6 сот. стр. полка). Живые участники боя помнят под каким сильным пулеметным огнем пришлось пройти расстояние около 1/2 версты между об-

щественным хлебным магазином и кладбищем: место было ровное как футбольная площадка. В. Ст. Трипольский помнит это, т. к. он цукал юнкера Куприя (казак ст. Рязанской), который под сильным пулеметным огнем долго бродил по площадке, как бы что то отыскивая, в то время когда сотня находилась уже под курганом. Впоследствии выяснилось что юнкер Куприй потерял георгиевский крест, полученный им в Великую войну.

Солнце уже высоко поднялось, стрелки лежали около пруда на выгоне, куда вывозят сор, левым флангом упираюсь в станцию. Со стороны Тимошевской стреляли броневики. Только в это время можно было считать, что все кончено.

В это время происходила разгрузка захваченных поездов, в которых было не мало лакомой провизии как сахар, рыбные консервы, сало и проч. Через два — три часа, ободренные успехом, с запасом патронов и снарядов, отряд двинулся в станцию Дядьковскую, куда и пришли к вечеру.

Цель моей заметки не та чтобы сказать, или указать, что г. Ларионов написал неправду. Нет, я хочу только дополнить и указать что много здесь саморекламы, а она не нужна. Выходит, что полк. Миончинский и кап. Шперленг сделали все дело; нет здесь сыграла не меньшую роль и казаки и лихое казачье офицерство.

Если кап. Ларионов не упомянул имен казаков-героев, то упомяну их я, а их много: полк. Крыжановский (к-р 2 бат. стр. полка, впоследствии генерал), под’есаул Трипольский (ныне Войсковой Старшина), под’есаул Селин, юнкера: Прокофий Толочко, Георгий Скляренко, Кузьма Крамаренко, Манжула, Худик. Все эти юнкера уже в офицерских чинах пали смертью храбрых за свободу и счастье Казачества. Мир праху Вашему, дорогие мои боевые товарищи!

Р. С. Правда, очень печальное явление, что никто из кубанцев не посвятил ни одного очерка ко дню 12 лет. юбилея событиям на Кубани. Вот и выходит, что на Кубани дрались с большевиками капитаны Шперленги, а казаки сидели сложа руки. Если казаки будут молчать, то и историки напишут то же, что и капитан Ларионов.

1 июня, 1930 г. Париж.

Е. Я.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

И. Шариков.

„КОМУ ПОВЕМ“.

„Кому повем печаль мою“,
Кому склонюсь главой на грудь,
Кому спою я песнь свою,
Про жизнь в изгнании — скорбный путь.
Изгнанник это испытал,
Ему привычны все невзгоды,
Он от страдания устал,
Ему не счесть страдания годы.
И песнь моя, ему не нова,
Он жаждет ласки и уюта,
Он онемел, в нем стынет кровь,
Ему досталась судьба люта.
А для других, — что глас в пустыне, —
Им не понять печаль мою,
Они в грязи мирской застыли,
Отрадно им в своем краю.
Отец понял бы песню мою,
Услыша голос молодой,
Да нет его... убит в бою —
За край родимый дорогой.
Склонился б матери на грудь,
Она меня бы поняла,
Тоску мою и скорбный путь
Себе-б на сердце приняла.
Но нет и матери моей,
Ей тоже выпал скорбный путь,
Рука московских палачей
Пронзила дулей ее грудь.

Тонкий намек.

История текущей жизни требует от каждого из нас подвига, мужества, решительности, включительно до самоотречения, а все это нужно для того, чтобы двигать события вперед, а не то, чтобы замирая, безропотно подчиняться последним.

Каждый из нас должен быть добрым сеятелем казачьего семени, бросая его не в чужие пределы, а в свою родную степь.

Верно, что стремления у нас — казаков одинаковы, но силы разные, а поэтому и надлежит по мере своих физических, а главное духовных сил брать тяжесть — меру семени и спешить на родную ниву. Кто может нести меру, неси меру, кто фунт, неси фунт, кто же не может нести и фунта, то возьми одно зерно, иди и брось его в добрую почву. Но если же кто слаб и не может выполнить и этого — малого, то будь казак и гряди вслед. Только семя, брошенное в землю, дает плод.

Заглушили плевелы казачьи сердца и вот пришло время очиститься. Та неизмеримая пропасть, которая была вырыта между Казачеством и Москвой и заброшена изуродованными трупами непокорных ей казаков, а после замаскирована императорскими грамотами и пр., ныне вскрыта и мы видим и чувствуем, что эту страшную пропасть и глухие крики мучеников, доносящиеся со дна последней, изгладить и заглушить только можно не чувством казачьего милосердия, которое давно утеряло цену и не овечьей кротостью, а только тем

гранитным камнем, который мы, Казачество, заложим в основу своей государственной независимости, в основу разумного государственного творчества, не нарушая мирного очага жизни другого.

Люди, жившие до пророков и Христа, не несли ответственности перед законом совести и не несли потому, что у них не было тех основных Божественных законов, которые бы или разрешали или запрещали делать то или иное, но они были строго — без милосердия ответственные перед законом человеческим, а таковой, при отсутствии возвышенного закона совести, был груб, жесток, несправедлив и применялся как все-ильное орудие для выколачивания жизненных благ, и не во благо народа, а во благо незначительного количества лиц, игравших верховную роль. Но когда: „С небес он возвестил суд, земля убоилась и утихла“. То с того времени и царь, и вельможа, и пастырь, и раб, полностью ответственные перед законом совести и народом, который возвышает, свергает и унижает. К великому сожалению, наши вожди — вожди разгрома, поражения и бегства, а во благо старым привычкам (царских времен) с яростной злобой поносят и злословят тех В. казаков, в сердце которых горит и не угасает светильник чистоты, права и справедливых требований от вооруженных грабителей, поправших чужую честь, чужие уделы.

В. Казачество борется благородными средствами, достойными уважения, но отнюдь не угрозами. И, веря в чистоту В. К. намерений и стремлений, я смело и уверенно заявляю, что В. К., следуя заветам отцов, положивших основу Казачества, ни перед законом совести, ни перед братьями казаками живыми, ни перед могилами павших в бою, ни перед замученными в ссылке в безлюдных тундрах холодной Сибири, ответственности не несут, разве только перед лицом Донского Атамана, который вполне разделяет воинственно-террористическую тактику газеты „Голос“, которая издается в Болгарии на средства, об источнике которых ув. А. П. умалчивает.

Тенденции „Голоса“ России и голоса Дон. Атамана в его передовице в жур. „Р. К.“ № 4 тождественны: у двух один дух — записывай! Бери на мушку непокорных! Очевидно по примеру красных чекистов и российских организаций в загранице, и Казачий Союз не лишен наличием такого регистра, куда вписываются имена смертников из В. Казачества, для будущих кровавых потех белых чекистов. Тонкий намек на толстые обстоятельства. Мне не раз приходилось слышать от простых казаков, которые до сих пор не имеют точного понятия о значении политического термина „Самостийники“, а досужие мужикофилы противники самостоятельности казачьего бытия (наши же казаки) по внушению свыше истолковывают этот термин, как я уже сказал выше (среди простых казаков) так: самостийники — это значит анархисты, которые не признают никакой ни власти, ни законов ни порядка... За неимением других средств борьбы, противники не гнушаются и этим.

Слышите братья казаки, кому не угодна свободная и ни от кого не зависящая наша жизнь, как ими извращается Ваше право, Ваша кровь, Ваши жертвы, над которыми с плачем тоски и грусти витает дух бессмертных героев, украсивших лучшие страницы казачьей истории.

Ваше Превосходительство! На страницах подведомственного Вам журнала „Р. К.“ № 4., Вами посвящена передовая статья самостийникам, которые яко бы нагнали на Вас и трусливо скрылись под тенью анонимной подписи и т. д. Я не берусь утверждать о том, что Вы действительно злоупотребили такой огромной народной суммой, как это указано в кн. „отв. В. К.“, да еще как бы далеко не полностью, так как я о наличии и расходах казачьих сумм ничего не знаю, а поэтому и осуждать Вас не берусь. В содержании Вашей статьи, напечатанной в газ. „Возрождение“ осенью 1929 г. (Для чего же „Р. Край?“) мне также ознакомиться не удалось и как больно она задела сердце В. Казаков, испытать не пришлось, а потому всякое суждение о Вашей статье в мою программу не входит.

Выражаясь же Вашими словами о том, что укрывшиеся анонимцы, да еще члены В. Круга, обрисовали

Вас как злейшего врага Казачества, так в этом они едва ли ошиблись! Кто может лучше знать Вас, как не члены В. Круга, которые являлись Вашими ближайшими помощниками в несчастье для Казачества великом разорении и опустошении?

Не следует кривить душой и рабски извиваться пред кем бы то не было, да еще в тот трудный час, когда вопрос о Казачестве щемит душу каждого из нас, а лучше сказать чистосердечно и прямо не в бровь, а в глаз: да, Ваше Превосходительство, ув. Дон. Атаман, Вы враг Казачества — Казачества такового, каким ему быть завещали наши бессмертные предки-герои минувших веков, но друг и защитник казачества рабского, — тяглогово, подневольного, которое сгибалось и должно сгибать свою спинушку под тяжестью московского произвола. Если Вам, В. П., известны имена анонимцев, которые так нагло наклеветали на Вас, то тогда для какой цели Вы укываете их, как бы до времен времени и полувремени?

Все, что делается в тайне, оно будет в'яве и что провозглашено внутри, оно будет провозглашено на кровле.

Кроме того, Вы жалуетесь на В. К. за то, что оно очень мало уделяет внимания России; если уж и В. К. займется вопросом о России, да горячими молитвами за Кутепова, то скажите же г. Атаман, кто же напоит чашей холодной воды жаждущее в российской неволе Казачество? Нет, уж оплакивать российский народ, который опустошил Казачество, и молиться за Кутепова, мы оставляем место и время для Вас, а мы, В. К., в пределах всей возможности будем молиться, бороться, приносим все в жертву только во имя Казачества и его счастливого будущего. Для Вас Кутепов кумир, а для нас — обыкновенный смертный да еще тиран, а в законе сказано: за то, что Вы были жестоки, несправедливы и много убили невинных, за то не приложите к праху своих отцов, а ослиным погребением погребены будете (Ис. 14, ст. 10—22. Иеремий гл. 22).

Говоря же об источнике тех В. К. средств, которые наводят Вас на излишние сомнения и размышления, так ведь свет же не без добрых людей! Вы и сами оправдываете эти „сомнительные“ средства, говоря: „А деньги, видимо, не малые. Издание журнала, календаря и др. книг, все это стоит очень недешево“. Значит, В. К. не расходует средства на различные пирушки, а обогащает Казачество родной литературой, отыскивает источники прошлого и отвергает зрение тем, что еще до сих пор находится в состоянии слепоты. В. К. не выпячивает ту политическую роль, которую оно играет среди Казачества, а верит в то, что Казачество, убедившись в праведности В. К. деяний, но уже осужденных Вами произнесет свое решение. В. Казачество, отстаивая свои законные государственные права на жизнь, угрожать чем либо России не собирается и угроз российских вельмож не боится. Как видно, это преувеличено Вами под впечатлением атаманского гнева.

Ваша покорность и горячая любовь к России сильна и искренна, но к Казачеству очень сомнительна.

В Вашей политической терминологии никак не чувствуется отзвук о страданиях Казачества, а только о России и русском народе. Все же зверства учиненные Россией над Казачеством как раньше, а также и в лета 1917, 18, 19, 20 г.г. Вами покрыты давностью; муки же настоящего, вследствие отдаленности, Ваш слух воспринять не может.

Я помню Ваш торжественный приезд в станицу Вешенскую в июле 1919 г. После безнадежного сиденья под стенами Новочеркаска, я, еще не оправившись от тифа, вышел встретить своего Атамана, но вместо Атамана, я встретил холодную гвардейскую спину. Да впрочем, это все изложено в описании истории восстания В. Дон., которая ждет дня издания.

Итак, Ваше Превосходительство, не думайте, что я свидетельствую о Вас. Нет, Вы сами свидетельствуете о себе. Хорошо говорит пророк Иеремий: Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс пятна? Привыкши делать злое, может ли делать доброе? (Иеремий 13, ст. 22). Какою мерою Россия мерила Казачеству, такою, дай Бог, отмерится и ей.

П. Кудинов. (Болгария).

По страницам газет и журналов.

„Казачий Сполох“

В последнем номере „К. С.“ (№ 21, май, 1930) появилась очередная гнусность. Там напечатана, с позволения сказать, „статья“: „Настоящее и перспективы“, подписанная так: „группа казаков Вольного Казачества“ (сиречь-анонимка!). Редакция „К. С.“ была сама так заинтересована в появлении сего „произведения“, что снабдила ее и „предисловием“ и „послесловием“ — „Необходимо сказать“, — подписанным К. П. (Кохановсков, Попков?).

Прежде всего о „Настоящем и перспективах“. Мы заявляем, что никакой такой „группы казаков В. К.“, которая якобы писала вышеназванную статью, нет! „Сочинение“ это сочинено или инспирировано кем то, кто посоветился (стыдно все же!) дать свое имя под явный вымысел, граничащий не то с доносом куда следует, не то с провокацией. Мы стоим на старой своей позиции: ни в какую полемику или препирательства с анонимными (укрывающимися!) „авторами“ вступать не будем, хотя бы они принадлежали даже к „грошевой“ оппозиции. Тот, кто лжет и трусливо скрывается или подсовывает свои утверждения другим, — не достоин внимания.

Не можем здесь не сказать нескольких слов и редакции „К. С.“

Помещая „Настоящее и перспективы“, редакция „К. С.“ предпосылает ему следующее „вступление“:

„Редакция журнала „Казачий Сполох“ считает своим казачьим(!) долгом опубликовать нижеприводимый документ, подписанный группой казаков из редакции „Вольного Казачества“.

Господа бывшие редакторы „К. С.“, — вы солгали! Никакая группа казаков из редакции „В. К.“ никакого „Настоящего и перспектив“ не писала и не подписывала. Зачем вы это сделали? Зачем подкидываете другим то, за что должны бы были отвечать в значительной мере сами? — Прав был станичный сбор, выставив после этого немедленно из состава редакции и руководителей ОКСС.

Мы понимаем, что полемики избежать нельзя, но есть полемика и полемика. Мы думаем, что казачьи писатели и журналисты должны самым категорическим образом протестовать против введения в обиход молодой казачьей журналистики грязных методов лжи и провокации.

Когда то, за такие вещи мы пойдем на суд — Казачий Суд. Наперед заявляем, что Казачьего Суда не боимся и пойдем на него с чистой совестью.

Вообще мало чем блиставший в прошлом, „К. С.“ выродился в последнее время в какую то попойную яму. Неужели казачье студенчество так и не может ничего создать, достойного его самого и Казачества?

Что касается „послесловия“, подписанного К. П., то имеем много оснований предполагать, что писано оно людьми еще так недавно обивавшими и довольно усердно пороги „В. К.“ Цену им знаем.

Недавний станичный сбор ОКСС не одобрил ни старого правления станицы, на совести которого в значительной мере лежит та дешевая и грязная интрига, в которую тянуло и на которую разменяло оно казачье студенчество, ни редакционной коллегии, принявшей на себя не совсем хорошую и уж совсем некрасивую роль... Сейчас эти лица отошли или их „ушли“. Во главе станицы стали новые люди. Мы никому ничего не навязываем, но думаем, что даже при разности взглядов, мы все в одинаковой мере должны беречь и имя казачье и репутацию казачьей эмиграции.

„Горцы Кавказа“.

С большим трудом нам удалось достать тройной номер (13—14—15, февраль — март — апрель 1930) „Горцев Кавказа“, в котором полемике с „В. К.“ посвящены целых две статьи.

Одна из них, озаглавленная „К вопросу о северных

границах республики горцев Кавказа“ и подписанная г. Мурза-Бекком, не закончена (в конце статьи стоит: „продолжение следует“, хотя в последующем, 16 номере мы его не нашли). Касается она вопроса казачьего размежевания территориального (границы!) и решения весьма острого вопроса — терско-горского, — вопросов, затронутых в „В. К.“ статьями Т. Игнатовича и И. Билого.

Не будем входить сейчас в оценку статьи г. Мурзы-Бека по существу, подождем ее окончания, когда и дадим надлежащий ответ. Сейчас же пока только отметим, что наши оппоненты из „Г. К.“ весьма часто и охотно недостаток фактического материала (в их пользу) или слабость аргументации очень „сильных“ притязаний заменяют слишком „крепкими“ словами. Мы на этот путь не станем и наши чувства не помешают нам оперировать с действительностью таковой, какова она есть. Фантазия — вещь хорошая, но для установления казачьего-горских взаимоотношений не годится.

От полемики с г. „Рядовым Горцем“, поместившим в том же номере „Г. К.“ свои „Отголоски прошлого“, мы отказываемся. И вот почему: г. „Рядовой Горец“ (псевдоним) в 13—14—15 номере „Г. К.“ ничего нового, по сравнению с тем, что говорил он в № 4—5 в прошлом году, не сказал. На это последнее он получил уже ответ в статье редактора „В. К.“ в № 51—52 нашего журнала. Ныне г. „Рядовой Горец“ повысил свой „тон“, что касается той или иной „квалификации“ своих оппонентов и только. Мы думаем, что никакие, даже „высокие тоны“ или самые буйные страсти нашего спора, если ему суждено быть, не решат.

Это не значит, что мы уходим от полемики с горцами. Казачьего-горский вопрос, особенно на Тереке, одинаково „болит“ и той и другой стороне и говорить мы по существу его будем, — все равно, отвечая ли на статьи горцев или беря постановку вопросов на себя. Но препираться ради препирательства не намерены.

„Дни“.

С последним докладом Керенского, о котором мы говорили в прошлом номере „В. К.“ произошло некоторое „недоразумение“. Керенский читал доклад на тему о коллективизации, а прения по докладу были на тему о национальном вопросе. Подтверждение этому находим и в „продолжении прений“, помещенных в последнем номере „Дней“ (91).

Что особенно интересно, так это то, что напр. г. А. Марков (экономист), вместо того, чтобы подвергнуть большевицкую коллективизацию критике с точки зрения экономической, — с этой точки зрения доказывал „вредность“ самостоятельных течений среди народов теперешнего СССР. Самую же „опасность распада России он признает „достаточно серьезной“. Говоря о некоторых экономических „противоречиях“ севера и юга, он под этим последним понимает только Украину. Казачьи Земли — это для него — тоже север.

Господин И. А. Фишер спорил несколько с Марковым. Существенной задачей он считает „восстановить взаимное доверие между демократической интеллигенцией разных народов“. Инициатива по этому вопросу, заканчивает Фишер, „может встретить отклик, если ей будет сопутствовать не боязнь сепаратизма, а открытая симпатия к национальным стремлениям, симпатия, исходящая из признания взаимного равенства, равного права каждого народа России на устройство своих судеб“...

Подтвердил еще раз и Ст. Иванович, что „все таки надо разговаривать друг с другом на началах полного равенства и признать полную равноценность национальных чувств“.

Спорил еще раз с ними г. С. Соловейчик, „предостерегая от ошибок“.

В заключительном слове Керенский старался „найти новые формы крепкого сцепления снизу для нового

органического развития России — отечества многих, во всем равноправных наций“.

— Мы хотим напомнить казакам сейчас то, что однажды уже говорили на страницах „В. К.“ Русских людей, признающих принцип самоопределения народов, считающих народы равноправными и имеющими одинаковое право на государственную самостоятельность, — таких людей очень мало, так мало, что их не трудно было бы сосчитать на пальцах одного человека. Но, нам, казакам, даже от этого ни холодно, ни жарко; радоваться во всяком случае нечему. Дело в том, что даже те, кто принцип самоопределения признают, весьма ограничивают тех, на кого они согласились бы его распространить. И, во всяком случае, на Казачество его не распространяют. Казачество по их — ни народ, ни нация. Припоминаем как было до войны. Некоторые либеральные русские круги признавали праро на автономии из всех народов б. Р. Империи только за двумя: финляндцами и поляками. Сейчас те, кто говорит о равновесии народов, имеют в виду главным образом Украину и Грузию.

Вот почему нам, казакам ни холодно, ни жарко и тогда, когда несколько русских эмигрантов признают даже принцип самоопределения.

Казачья эмиграция.

В поисках земли.

Переговоры, о которых сообщалось в предыдущем номере „В. К.“, продолжают. О результатах сообщим немедленно, как только эти, переговоры, закончатся.

Между прочим, судя по обращениям в редакцию некоторых лиц, многими казаками неправильно понято помещенное в прошлой заметке выражение о том, что „одиночки исключаются“. Это надо понимать так, что переселение, в случае удачи предварительных переговоров, может совершиться только групповым, организованным порядком (вплоть до того, что переселенцы должны будут иметь своих агрономов, своих инженеров, своих учителей для своих школ, своих священников для своих церквей, и т. д.). Никто не будет оказывать никакой помощи тем, кто бы хотел переселиться в одиночку, каждый на свой страх и риск.

Сбор Скоплянской Общеказачей станицы.

4 мая с. г. в столовой казака Федора Гусарова состоялся станичный сбор. Председательствовал на сборе станичный Атаман С. Я. Ковган, по предложению которого сбор послал благодарность-приветствие за братское гостеприимство и хорошее отношение к казакам королю Александру, Председателю Правительства и Кубанскому Атаману ген. Науменко.

Потом атаман станицы сделал обширный доклад, в котором дал обзор казачьей истории за последние десятилетия и современного положения и настроения Казачества. Доклад был выслушан сбором с исключительным вниманием и явным одобрением. В докладе этом атаман, между прочим, сказал следующее:

„Братья казаки! Открывая сбор, я хочу поделиться теми краткими и отрывочными сведениями, коими я располагаю. Каждому из нас хочется знать, что делается на нашей многострадальной родине, где наши братья, отцы и матери томятся в тисках проклятого режима. К сожалению, должен констатировать, что судьба не только сейчас, но и раньше не переставала посылать испытания казачьему терпению... Много дало России Казачество, много пота и крови на всех границах империи, во всех войнах оно пролило, в награду за что Россия только с каждым годом стесняла и урезывала наши права, волюности и все больше и больше накладывала свою лапу на нашу душу и тело. Революция тоже не принесла бы казакам ничего нового, если бы Казачество продолжало ждать решения своей судьбы от России ибо и революционные деятели, всякие Милоуковы, Керенские Черновы первым лозунгом после революции выбро-

„Руль“.

„Недавно в „Руле“ (№ 2889) была помещена „беседа“ г. Н. Шубакова с одним из „вычищенных“ студентов, бежавшего из Киева. Характеризуя положение вещей на Украине, этот студент, что касается настроений украинского населения, сообщает, что повстанческая борьба с большевиками пользуется неизменными симпатиями, хотя все понимают, что она вопроса не решит. „Вся надежда на Польшу“, свидетельствует студент. „Никогда крестьянство не интересовалось так газетами, как теперь. Но интерес сосредоточен на одном: „А как там Польша? как там з войною?“

Говоря о том, как трудно сейчас переходить советскую границу, собеседник утверждает, что среди украинского народа существует все же надежда на освобождение и эта надежда „сосредоточена на уверенности, что рано или поздно Польша сама придет к нему и освободит от угнетателей. В 1920 г. война с Польшей была непопулярна в крестьянстве и Польша потому была принуждена отступить. Теперь война Польши с СССР — мечта всей Украины. С ее помощью Польша победит“, кончил киевский студент.

сили лозунг „казакам придется потесниться“. Они продолжали старую царскую политику в отношении Казачества. Но, слава Богу, что Казачество сохранило к этому времени свой ум и сердце и в первые же дни революции не упустило случая воскресить и вызвать к жизни свои законные, исторические органы власти и стало на собственные ноги. Правда, Россия опять, в лице красных Кремлевцев, распотала наши свободные знамена и нас самих, отняв все имущество, разлучив с женами и детьми, выгнала из пределов родной земли, но мы верим, что взойдет еще Казачье солнце и восторжествует еще и Казачья правда. В настоящее время Казачество на родине переживает трагическое время; физическое уничтожение, выселение, расселение, хозяйственное разорение, полный произвол, открытый грабеж, поругание всего святого, всего казачьего, хорошего и доброго изо дня в день, систематически проделывают над казаками красные — Российская центральная власть. Всю эту вакханалию видит культурный мир, будем же надеяться, что хоть когда-нибудь заговорит совесть мира и поймут народы, что то, что делается над Казачеством есть неслыханное насилие. Но, это одно, а другое и самое важное это то, что нам самим нужно быть готовым взять свою судьбу в руки при первой возможности, в этом залог нашего спасения.

О жизни нашей Скоплянской станицы скажу, что она, существуя с 1923 года, по тем данным, которые имеются, жила не деятельной жизнью, благодаря тому, что не было людей способных вызвать у казаков интерес к судьбе станицы; не было людей, готовых поступиться своим интересом ради общего дела и, в результате, станица начала чахнуть. При наличии в одном Скоплье более 100 казаков, состав станицы доходил до 20—30 человек. Все казаки потеряли веру в жизнеспособность станицы, независимо от состава правления. Обидно было мне, молодому казаку, от того безразличия, с каким многие казаки относились к упадку станицы и к вопросу казачьей организации вообще. Было много приложено усилий поднять интерес казаков к своей станице, вселить в их души новую веру в станицу. Только благодаря неустанной энергии небольшой нашей сплоченной группы, которая почти вся присутствует здесь, нам удалось оживить станицу и сделать много такого, что наглядно убедило казаков в целесообразности и пользе сохранения казачьей станицы. Наряду с борьбой с нашей инертностью новому правлению станицы пришлось выдержать ряд натисков со стороны представителей местной русской колонии, которые были не на шутку заинтересованы в полной ликвидации станицы. Пускались в ход всякие некрасивые средства, как то

ложь, клевета и пр. Пришлось, в результате этих походов, и в полиции побывать, но, познакомившись с делами станицы, власти пришли к убеждению в безвредности нашей станицы и не только оставили в покое, а впоследствии не раз оказывали и поддержку, прониклись доверием как к казачьей организации, так и к казакам вообще, как людям порядочным и работящим.

Не могу также скрыть и того, что провокаторы и всякие охотники неурядиц нашлись и в нашей казачьей среде. Это — те казаки, которые уйдя из родного казачьего лагеря в лагеря разных Кириллов и Никит, призывают и своих станичников к службе не родному казачеству, а именно этим господам Кириллам и Никитам. Дело их, кому они хотят служить, только мы должны им понятным языком сказать „руки прочь от казачьей станицы“, нам не нужны чужие кресты и разные подачки, мы будем жить своей казачьей жизнью своими организациями. Должен сказать, что трудами нашими, наша станица — единственная в Югославии, которая получила право выдавать казакам легитимации и все остальные документы. Был только один случай, когда русский священник не пожелал признать удостоверение станицы и гнал казака за документами в правление русской колонии, но думаю, что это больше не повторится да и таких священников, которые слишком удаляются от своей обязанности найдется не много даже среди русских.

Я не приписываю все достижения нашей станицы исключительно себе, а докладываю, что у меня были и есть хорошие помощники, но все они, будучи заняты, не имели полной возможности всецело уделять время делам станицы, а некоторые даже уехали в поисках труда. За 15 месяцев моей работы на посту атамана мною сделано все, что можно сделать. Приходилось мне часто бегать с утра до вечера по станичным делам, подыскивать безработным работу и я с удовольствием заявляю, что ни от кого не услышите, что правление нашей станицы или атаман ее оставался равнодушным к нуждам казаков и не помог или не старался изо всей силы помочь. Рост нашей станицы до 250 человек, показывает, как поднялся и престиж станицы и интерес к ней со стороны казаков.

Итак, я вас зову, братья казаки, не вмешиваться в чужую жизнь, избегать чужих влияний, не увлекаться чужими политическими устремлениями, помня, что казак только в своей казачьей среде дома, а вне казачьей среды даже за свою полезную работу и жертву остается чужим, второсортным, обязанным (голоса — верно!). В отношении же братской страны, которая так радушно нас приняла и часто дает нам доказательство своей к нам симпатии, прошу быть искренними друзьями, в своих поступках стараться не переходить трезвых границ и не вмешиваться в вопросы их государственной жизни, чтобы таковыми действиями отдельных лиц не испортить общей дружбы и доброжелательства. А главное будьте верны Казачеству и его идеалам. Служите только ему, но не Кириллам, Никитам и др.“

Доклад произвел на сбор большое впечатление и встретил очень доброжелательное отношение и сбор единогласно вновь избрал Атаманом станицы Я. С. Ковгана, помощником М. С. Портнова, II-м помощником Н. С. Волкова, писарем Г. Г. Дорошева. Таким образом, правление состоит из: кубанца, уральца, кубанца и донца. В ревизионную комиссию вошли: Сергиенко, Чикин, Молодов, кандидатами к ним — Гноевой и Гусаров — кубанцы.

Надо заметить, что три казака Кирилловца пытались внести раскол в настроение сбора и развели было демагогию, но сбор дружно заставил их замолчать и они, сконфуженные, покинули сбор.

По окончании станичных дел все сели за накрытый длинный стол, за казачью трапезу. Тут же по подписному листу было собрано в пользу казаков Мальцева и Михайличенко и казакам заключенным — 107 динар, казачьей старине 71 динар, на поездку Атамана — 11 динар. А кроме того, на этом же сборе, из станичных сумм выделено в войсковую казну 300 динар,

казачьей старине 200 динар, на поддержку издательства „Кавказский Казак“ 300 динар.

Григорий Дорошев (Казак Донского Войска)
Скопье. 16 мая, 1930 г.

Белградская жизнь.

Уже около полу-года в Белграде существует кружок дам-казачек, организованный, гл. образом, энергией и настойчивостью супруги атамана Белградской Кубанской станицы — А. С. Курганской.

Кружок поставил главной задачей поддержку неимущих казаков, гл. образом, стариков и детей. Незаметно, без большого шума и громких фраз кружок выполняет свое хорошее задание. На Рождество кружком была устроена елка для казачьих детей, прошедшая с большим успехом. На ней присутствовало до 50 казачат всех возрастов. Всем им от имени кружка были розданы подарки — белье, игрушки и пр.

На недавние праздники св. Пасхи кружок снова проявил свою деятельность. Им был устроен „день красного яичка“ для неимущих казачьих стариков. Было роздано в Белграде и разослано в провинцию свыше 30-и посылок. Каждая посылка содержала: кулич, шкалик водки, кусок сала для разговения, несколько крашеных яиц, а для курящих кроме того — папирсы. Нескольким неимущим казакам была оказана помощь деньгами, на общую сумму до 500 д. Несколько посылок от кружка было отвезено в Панчевский госпиталь больным казакам. 9 куличей было отвезено самой председателницей кружка в Горный Милановец, для тамошней станицы. Всего было удовлетворено свыше 40 человек.

Какое впечатление произвела на казаков эта бескорыстная работа кружка свидетельствуют лучше всего письма, получаемые кружком после праздников. Все они полны одним и тем же хорошим чувством благодарности к своим казачкам. „За десять лет о нас впервые вспомнили и позаботились“ — вот общий голос всех казаков. От всего сердца присоединяемся к этому голосу благодарности и шлем крепкое, казачье спасибо организаторам этого воистину святого дела.

Но нельзя забывать и тех, кто помог кружку в его добрых начинаниях — приносим, вместе с кружком, горячую благодарность всем, кто оказал кружку денежную поддержку.

Когда кружок организовывался, он не имел никаких денежных средств и существование его казалось немислимым. Но бодрые духом казачки не испугались этого. Они глубоко верили, что казаки отзовутся на это дело — и не ошиблись. Стоило им только кликнуть клич — и со всех сторон понесли свои приношения казачки. Все — и богатые, и бедные, все, кто только чувствовал себя казаком, спешили внести свою лепту в это святое дело. Цифра приношений колебалась от 2-х до 100 динар.

Кружок принимал все, с неизменной благодарностью — каждый динар играл роль в этом начинании. Вплоть до последнего дня — до самого Светлого Воскресения не переставали поступать взносы от запоздавших казаков. Именно вследствие этого часть денег не могла быть использована и временно осталась в кассе кружка.

Кружок не предполагает ограничиться только сделанным он намерен продолжать свою работу и дальше. На Троицу предполагается устройство скромного праздника для казачьих детей. Конечной же целью кружка является устройство приюта для казачьих детей. Осуществление этой цели требует большой энергии и денежных средств, но первым наши казачки обладают в достаточной степени, а второе — это уже дело самих казаков.

Остается только пожелать кружку полного успеха в его благородной работе и сказать инициаторам его еще раз „спасибо“.

Прилагаемая к сему фотография изображает раздачу куличей в Горнем Милановце. К сожалению часть стариков, для которых предназначались куличи, запылала и сняться удалось несколько. (Соб. кор.).

*Сидят в центре: председательница кружка А. С. Курганская и атаман станицы Лисенко.
Стоит справа: атаман Белградской ст. П. И. Курганский.*

О восьмом станичном сборе ОКСС в ЧСР.

В г. Праге, 25 мая, состоялся сбор Общеказачьей студенческой станицы в ЧСР. Перед началом сбора мандатная комиссия проверила полномочия делегатов и предложила утвердить мандаты 32 уполномоченных: от Пражского хутора — 19, от Брненского — 7, Братиславского — 3 и Пшибрамского — 3.

После утверждения делегатов, станичный сбор приступил к выборам Президиума. В результате голосования выбранными оказались: Председателем сбора ст. Гребенников и секретарями — ст. Стефанов и Полубедов.

От имени станичного правления делал доклад Атаман станицы ст. Попков. В своем докладе г. Попков старался указать станичному сбору на постоянное наличие тяжелых материальных и моральных условий, в которых приходилось работать станичному правлению.

Из этого доклада можно было судить, что работа правления протекала приблизительно по тому же руслу, как и работа предыдущих правлений, но можно сказать, что она была менее продуктивной и удачной.

Атаман станицы говорил очень продолжительно о старой, разбитой пишущей машинке, которая, повидимому, много хлопот причинила ст. Попкову. Говорил докладчик о ней длительнее и обстоятельнее, чем о всех других главных вопросах, которых он касался весьма поверхностно. Дряхлая, заржавевшая машинка дала возможность заполнить „пробел“, в противном случае докладчику почти не о чем было бы говорить.

Председатель Ревизионной Комиссии в своем докладе отметил многие неудачи правления станицы, как например, отсутствие энергии и умения привлечения молодых казаков, окончивших гимназии, в состав ОКСС.

Нерешительность этого правления, вернее его атамана, была видна в исполнении прямых своих обязанностей, за то в отношении своих личных дел, как например всяких личных „реабилитаций“ он проявил колоссальную энергию, сделав студенческий печатный орган „Казачий Сполох“ средством к этому.

Станичный сбор на это последнее реагировал соответствующим образом. Это выявило в прениях по поводу допущения правлением остро-полемиических статей в последних номерах журнала „Казачий Сполох“.

Надо сказать, что прошлый 7 ст. сбор дал наказ новому правлению и редакционной коллегии не допускать в журнал „Казачий Сполох“ статей политического характера. И вот, несмотря на постановление

прошлого станичного сбора, правление станицы и редакционная коллегия, допустив в журнал статью г. Чапчикова с выражениями, дискредитирующими Войсковой Круг, затем письмо г. Колачева, в котором о казачьей общественной деятельности говорится, „как о не стоящей выеденного яйца“, а потом нетактичную статью, направленную против Вольного Казачества, тем самым нарушило постановление прошлого сбора, т. е. действовало по произволу.

По этому последнему вопросу выступали делегаты Братиславского хутора ст. Бойко и ст. Желдаков. Они довели до сведения ст. сбора о постановлении по этому поводу Братиславского хутора, который находит недопустимым помещение статей указанного характера на страницах журнала „Казачий Сполох“.

Один из братиславцев, ст. Желдаков, сказал, между прочим так: Я понимаю, что ст. Чапчиков может написать что ему угодно, также может написать, что ему вздумается и ст. Колачев, но станичное правление и редакционная коллегия, должны помнить обязательства, которые возложил на них прошлый станичный сбор и обязаны строго исполнять их и проводить в жизнь. Далее он говорил о статье против Вольного Казачества, помещенной в предпоследнем номере журнала „К. С.“ Ст. Желдаков говорил, что он не сочувствует движению Вольного Казачества, но не считает возможным переходить рамки тактичности, которые перейдены редакционной коллегией в этой последней статье.

После дальнейших прений станичный сбор перешел к вынесению резолюций по поводу деятельности правления. Было подано несколько резолюций из которых была принята резолюция Брненского хутора, говорящая о том, что ввиду трудности условий, в которых приходилось работать правлению, надо признать работу его удовлетворительной.

Дальше было подано несколько добавлений к резолюции, из которых в итоге было принято добавление Братиславского хутора, гласящее о том, что ст. сбор считает помещение вышеуказанных статей и писем в журнале „К. С.“ нарушением постановления прошлого станичного сбора и выражает сожаление по поводу их помещения.

Перед принятием резолюции Братиславского хутора было предложено одному оратору высказаться за резолюцию, другому против нее. За свою резолюцию говорил ст. Желдаков. Солидно и обстоятельно он

отметил то, что помещение в статье г. Чапчикова выражений направленных против Войскового Круга, высшего законодательного органа Дона, унижает нас самих и дает материал для торжества нашим, казачьим врагам, которым выгодно дискредитирование Казачьих институтов власти. А помещение фраз г. Чапчикова в казачьем журнале дает им еще большее оружие против нас же самих. На этом основании ст. Желдаков и настаивал на принятии дополнения к резолюции от Братиславского хутора.

Против резолюции высказался автор столь неудачных строк, напечатанных в „К. С.“ г. Чапчиков.

Выступление г. Чапчикова сопровождалось молчанием сбора. После этого было поставлено на голосование добавление к резолюции, предложенное братиславцами. В результате голосования, добавление прошло. Ст. Чапчиков не захотел подчиниться решению сбора. Он тут же на сборе подал заявление о выходе из состава станицы и покинул зал заседания.

После принятия резолюции о деятельности правления, ст. сбор перешел к выбору членов нового станичного правления. Были названы следующие кандидаты: в Атаманы станицы — ст. Приказчиков, ст. Попков и ст. Выхлянец. Председатель сбора спросил согласия названных лиц. Ст. Приказчиков согласился баллотироваться.

В этот момент произошел интересный случай. Всегда нервный, а на этот раз особенно, г. Кохановский (казак-русский социалист), несмотря на протесты председателя и членов сбора выступил с откровениями. Он начал читать по бумаге какой-то договор, заключенный перед станичным сбором между тремя Пражскими группировками. Этот блок, по его словам, был представлен с одной стороны представителями демократического студенчества Кохановским и Попковым, с другой стороны монархистами в лице Чапчикова и с третьей, как он сказал, не то вольным казаком, не то демократом Гребениковым.

Этот блок, очевидно, перед станичным сбором сговорился на определенном кандидате в атаманы (наверно г. Попков), но на самом сборе произошли неожиданные для г. Кохановского и присных с ним изменения.

Ст. Приказчиков, согласившись баллотироваться в Атаманы, разбил все их расчеты.

Далее станичный сбор перешел к избранию остальных 4 членов правления. В итоге голосования, в прав-

ление были избраны: ст. Василий Фролов, ст. Рыковский, ст. Глазков и ст. П. Бузин.

В ревкомиссию в результате голосования оказались выбранными: ст. Ажогин, ст. Огарков и ст. Выхлянец.

Вслед за этим произошло еще одно выступление г. Кохановского. Выйдя на середину зала, он демонстративно начал читать заявление от имени: гг. Попкова Кохановского, Коколевского, Твердого, Полубедова и Эр. Николаева о том, что они выходят из станицы ввиду того, что станица „передана в руки самостийников“.

Уход их был сопровожден полным равнодушием со стороны сбора.

После этого сбор приступил к формированию редакционной коллегии. В результате прений по этому вопросу было принято предложение ст. В. Полякова. Оно заключалось в том, чтобы председатель редакционной коллегии был избран на самом станичном сборе, а выбор остальных двух членов предоставить ст. правлению. Станичный сбор принял это предложение и избрал Председателем редакционной коллегии журнала „Каз. Сп-х“ только что избранного Атамана, ст. Приказчикова.

Последним вопросом были текущие дела. После решения ряда хозяйственных вопросов в жизни станицы, сбор был закрыт в десятом часу вечера.

Надо сказать, что это первый станичный сбор в жизни студенческой станицы, который окончился в один день. Отчасти это надо отнести к безусловному умению ведения заседания станичником Мих. Гребениковым.

К. П.

Вниманию калмыков.

Вот уже 7-й месяц, как Санжа Аршинов — калмык Иловайской станицы, вследствие болезни лишен возможности работать и, следовательно, сильно нуждается. Настоящим обращаем на это печальное положение нашего собрата внимание наших знакомых, друзей и вообще всех калмыков и призываем их поддержать брата в несчастье. Пожертвования можно направлять непосредственно самому Аршинову по адресу: M-r Archinoff. M-r Pierre Fritte, 7. á Decines (Isere). France. Нижеподписавшиеся для почина жертвуют по 50 кр.

Балинов Ш. Балыков С.

В Казачьих Землях.

Состояние посева.

Из Ростова 17 мая телеграфировали „Правде“, что за последние дни в крае прошли и отчасти еще идут большие дожди, значительно улучшившие состояние озимых и яровых. Хлеба бурно идут в рост. Состояние их выше среднего. Пропашные дали хорошие всходы. В хорошем состоянии соя и хлопок. Метеорологическое бюро находит, что урожай озимых выше среднего можно считать обеспеченным.

Колхозная полка.

Полка пропашных, читаем в „Социалистическом Земледелии“ 16 мая более или менее удовлетворительно проходит только в части колхозов. Подавляющее же большинство колхозов недопустимо медленно готовится и производит полку пропашных.

На полке мало народу. В ст. Воскресенской, Кубанского округа, на полку вышла незначительная часть колхозов. В ст. Елизаветинской по полке работали лишь один день и пропололи 11 гектаров, а затем забыли о полке. На хуторе „Карла Маркса“ на полке работало 155 человек. Перепололи они всего — 6 гектаров.

Неудовлетворителен ход сева пропашных и технических культур, пишет „Правда“, 14 мая: подсолнуха засеяно 63 проц. плана, по кукурузе план выполнен

лишь в размере 55 проц., по сое на 69 проц.; хлопок засеяно 78 проц.

Для Северного Кавказа, имеющего четыре миллиона гектаров пропашных, борьба с сорняками приобретает исключительно большое значение, читаем в „Известиях“, 17 мая; тем более, что влажная весна благоприятствует и росту сорных трав. Однако, многие колхозы еще не приступили к полке пропашных медлят с организацией женских бригад. Напр., колхоз „Пятилетка“ в ст. Даховской, Майкопского округа, до сих пор еще не производит полки пропашных. Пшеница в колхозах зарастает бурьяном.

Колхозные картинки и настроения.

В „Социалистическом Земледелии“ 23 мая, помещена довольно яркая передача „колхозных“ впечатлений специального корреспондента газеты, на одном из донских хуторов. Ниже мы приводим в сокращенной передаче эту корреспонденцию.

Под вечер в сельсовет хутора Поповского, Урюпинского района, Хоперского окр., собрались казаки. Беседуют. Подходит к корреспонденту казак Абрамов, красивый партизан и говорит:

— А я вот хочу из колхоза удирать. Непорядки большие. Не могу терпеть больше. Пробовал гуторить им об этом, слушать не хочуть. Ну а потому решил я уйтить.

В заявлении о выходе Абрамов пишет: „Прошу исключить меня из колхоза, потому нет хозяйственного порядка в нем. Не было уделено внимания на качество сева, обработку полей, а также на ненормальное распределение продуктов между экономиями. Давали больше Храповской, а нам остальные. Семена разбрасывали по участкам полей бесхозяйственно. Зерно было под открытым небом, прямо на земле, под дождем, вскорости оно дало ростки. Кто хотел — его растаскивал, а мы его собирали чуть ли не на счет каждое зернышко. А потому прошу исключить меня из колхоза и возвратить мое имущество“.

Случай не единичный. Корреспонденту указывают на рыжеусого казака Пантелеева и рекомендуют: — Вот Иван Иванович на што советский парень и партизан красный, и активист, а не хочет в колхозе быть.“

Пантелеев затянулся махрой и произнес с расстановкой.

— „А что жя дурак, что ли — за пачку табаку то работать... Зиму проработал — шиш заработал. Я прошлую зиму на печке сидел да 100 руб. заработал. А главное дело не в этом — порядков в колхозе нет. По моему работать — так работать, а не работать — так нечего и в колхозе быть. Я вот вышел три дня тому назад, а уж 63 сажени себе засеял. Вот так надеть работать. А то работают, да огинаются. Мишка глядит на Никишку. Никишка на Гришку, — нет дисциплины“. Ты думаешь, — почему у нас не хватило корму? — спрашивает старик колхозник корреспондента „Соц. Земледелия“ и сам отвечает: кабальный договор заключили с консервной фабрикой и другими прочими на перевозку камня и леса. Весь корм потратили, а что плату получили, то ею и потравленного корма не откупили... не то, чтоб колхозникам заплатить“.

— А что картошка то, картошка то, — вставляет возмущенно другой колхозник... оказывается, при раскулачивании у кулаков было изъято около 8 тонн картофеля. За картофелем не следили. Как он был в ямах, так и лежал, а когда кинулись готовить его на семена, то картофель, оказалось „Митькой звали“. Часть его растащили, часть затопило полой водой. Остались колхозники без посевного картофеля.

Интересуюсь социалистическим соревнованием на полях между бригадами и экономиями. Колхозники уныло отвечают: што соревнование... Погалдели об этом и забыли. Поощрения тем, кто хорошо работает, никаких.

Общественное питание в поле не организовано. Пища плохая. В придаток плохого качества хлеб. Жиров нетути.

Фуража тоже давно нет. Скот отошал и падает. Возможностей к приобретению корма никаких. Из за фуража между Поповской экономией и Креновской началась вражда. В правлении креновским дают все, поповским ничего. Вражда приняла такие размеры, что трудно им ужиться вместе.

Ход весеннего лова.

За вторую майскую пятидневку, сообщает „Правда“, 13 мая в Азовско-Черноморских рыбных промыслах выловлено на десять тысяч центнеров меньше рыбы, чем в предыдущую, первую, пятидневку. К 10 мая азовско-черномор. район должен был выполнить 85 проц. плана, выполнено же только 54 проц.

В том же номере „Правды“ читаем сообщение специального корреспондента газеты из Ростова о том, что за последнюю десятидневку темп лова снижается изо

дня в день. Путина идет на убыль. Уменьшается ход рыбы. Вместе с тем причиной снижения темпа является неумелая организация труда в рыболовных колхозах, перебой в снабжении рыбаков снастями и т. д.

Типичными являются недочеты, выявленные в Темрюкском рыбном колхозе, имеющем большой недоход. Рыбу продают на сторону все рыбаки колхозники наравне с единоличниками. Круговой расчет с рыбаками-колхозниками привел к тому, что 10 рыбаков вышли из колхоза, так как дружелюбный расчет не обеспечивает заработка.

В астраханском районе корреспонденту „Известий“, 11 мая, старые рыбаки объяснили почему происходит падение лова: мы раньше ловили, и не в такую погоду. Не погода виновата — а коллективизация. Мы по 500 монет зарабатывали — заявляют ловцы, — и хватит.

Рыбаки говорят: все равно на большие деньги ловить нельзя, в кулаки попадешь. На сторону сбудешь, никто не узнает, сколько ты заработал, а если на промысел, там все, как на ладони, потом как начнут налогами допекать.

Президиум Сев.-Кавказского Крайисполкома, пишет „Эк. Жизнь“, 17 мая, заслушав доклад о ходе рыбной путины на Сев. Кавказе признал, что угроза невыполнения правительственного задания попрежнему остается в силе. Постановлено объявить выговор правлению Азовско-Черноморского рыбного треста и сделать предупреждение правлению крайрыбхоза.

План лова особенно слабо выполнен по Кубанскому району. На Ахтарских промыслах кооперация не заготовила нужного количества льда. В ряде мест до сих пор единоличникам не дают ловить рыбу.

„Эк. Жизнь“, 14 мая, сообщает, что в Ногайском районе, у побережья Каспийского моря, частные торговцы ежедневно вывозят не менее 100 подвод рыбы. Частник в обмен на рыбу предлагает ловцам муку, картофель, табак и др. продукты. В Старочеркасских рыбных участках наблюдается огромный наплыв спекулянтов из Ростова, Новочеркасска, Аксая и др. мест. Здесь идет самая беззастенчивая распродажа рыбы спекулянтам. Все закупленные в местах заготовок рыбные товары частики отправляют в города и тут их перепродают по сильно повышенным ценам. Некоторым частникам удалось войти в контакт даже с колхозами, хоть колхозы и продают рыбу частникам лишь по весьма высокой цене.

„Правда“, 22 мая, пишет, что в Приморско-Ахтарском районе выловленную рыбу не на чем вывезти. Обещанных грузовиков нет. Краснодарская организация вообще не принимает никаких мер к эксплуатации Ахтарского и Сладковского лиманов, которые являются богатейшей рыбной базой.

Провал огородных посевов.

„Правда“, 23 мая, сообщает, что на Северном Кавказе засеяно всего 26 проц. предположенной по плану площади огородных посевов, и вполне резонно находить, что исправить это положение нельзя.

Оставшиеся округа.

„Соц. Земл.“, 16 мая сообщает, что ростовское краевое земельное управление отмечает, что особенно отстающими округами в крае по севу являются Кубанский, Майкопский, Ставропольский и Черноморский и автономные области: Северная Осетия и Ингушетия, которые выполнили задание по весеннему севу всего в размере 33—46%.

И С. Ф. БЫКАДОРОВ (б. тов. председ. Донского Круга, зам. председ. Верховного Круга) просит членов Донского Войск. Круга сообщить ему свои адреса по адресу редакции журнала „В. К.“
Radhoštska 9. Praha. Tchecoslavaquie.

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева, в др. странах $\frac{1}{2}$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“.

Вышла и поступила в продажу книга

Ис. Ф. Быкадорова

История Казачества

Кн. I: Происхождение Казачества. Возникновение республик Вольного Казачества — Донского, Волжского, Яицкого и Терского Войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549—1671 г.).

Обращаться по адресу редакции „В. К.“: Praha XII, Radhoštská, 9.

Цена 20 корон ч.-сл. (0'60 ам. долл.).

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	$1\frac{1}{2}$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.